

ИСТОРИЯ ВЛАСТИ
ОТ ПЕТРА I
ДО НИКОЛАЯ II

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

ПЕТР I

Государственные деятели России глазами современников

Коллектив авторов

Петр I

ИЦ «Пушкинского фонда»

2018

УДК 94(47).05:929
ББК 63.3(2)511

Коллектив авторов

Петр I / Коллектив авторов — ИЦ «Пушкинского фонда»,
2018 — (Государственные деятели России глазами современников)

ISBN 978-5-9500595-6-8

«Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этой колоссальной фигурой, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее...» — писал 170 лет назад о Петре I историк М. П. Погодин. Эти слова актуальны и сегодня, особенно если прибавить к ним: «...и на настоящее». Ибо мы живем в государстве, основы которого заложил первый российский император. Мы — наследники культуры, импульс к развитию которой дал именно он. Он сделал Россию первоклассной военной державой, поставил перед страной задачи, соответствующие масштабу его личности, и мы несем эту славу и это гигантское бремя. Однако в петровскую эпоху уходят и корни тех пороков, с которыми мы сталкиваемся сегодня, прежде всего корыстная бюрократия и коррупция. Цель и смысл предлагаемого читателю издания — дать объективную картину деятельности великого императора на фоне его эпохи, представить личность преобразователя во всем ее многообразии, продемонстрировать цельность исторического процесса, связь времен. В книгу, продолжающую серию «Государственные деятели России глазами современников», включены воспоминания, дневники, письма как русских современников Петра, так и иностранцев, побывавших в России в разные годы его царствования. Читатель найдет здесь тексты, не воспроизводившиеся с XIX — начала XX вв. Издание снабжено вступительной статьей, примечаниями и именным указателем.

УДК 94(47).05:929
ББК 63.3(2)511

ISBN 978-5-9500595-6-8

© Коллектив авторов, 2018

© ИЦ «Пушкинского фонда», 2018

Содержание

Титан на фоне эпохи	7
Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682–1694 гг	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Петр I

Составитель Я. А. Гордин

Издательство «Пушкинского фонда»

Государственные деятели России глазами современников
Воспоминания, дневники, письма

Петр I / Сост., вступ. ст., примеч.: Я. А. Гордин. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2018. 978-5-9500595-6-8

© Гордин Я. А., составление, вступительная статья, примечания, 2018

© Российская национальная библиотека, иллюстрации, 2018

© Обласов В. Ю., оформление серии, 2018

© ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2018 Издательство «Пушкинского фонда» ®

Издательство выражает искреннюю благодарность Банку ВТБ (ПАО) за поддержку в публикации настоящего издания

Титан на фоне эпохи

Я. А. Гордин

Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собою стал великим.

В. О. Ключевский

Задача этой книги заключается в том, чтобы показать, как на колеблющейся вулканической почве Московского государства выросла гигантская фигура Петра I, воплотившая в себе всю парадоксальность русской истории – как до, так и после него.

По мнению Пушкина, Петр был не столько реформатор, сколько революционер, принявший колоссальную попытку на необозримом, слабо структурированном пространстве построить свою великую утопию – «регулярную» Россию.

Тысячи страниц воспоминаний, дневников, писем запечатлели как саму петровскую эпоху, так и поражающе разнообразную личность того, кто дал этой эпохе свое имя.

В настоящем издании свидетельства собственно эпохи – плоть времени – занимают более значительное место, чем в других томах серии. И не только потому, что в последующие периоды нашей истории конкретным персонажам был посвящен больший объем мемуарного текста, но и потому, что чрезвычайно важна окружавшая Петра реальность, формировавшая его личность и определявшая его действия. Он находился в постоянном и остром конфликте с этой реальностью, с тем материалом, из которого яростно строил новое Государство Российское, великую Российскую империю.

Именно для того, чтобы показать, из какого сурового исторического пласта, из какого сгущения повсеместного насилия выросла личность Петра с его прагматически рассчитанной жестокостью, читателю предлагаются нелегкие для прочтения, но необходимые «Записки» И. А. Желябужского, активного государственного деятеля эпохи Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и царевны Софьи, невозмутимо фиксировавшего тяжелый кризис русского общества, порождающий преступление как явление обыденное и столь же обыденную безжалостность в подавлении этой стихии.

Историк М. П. Погодин писал: «Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этой колоссальной фигурой, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошлое и даже застит нам древнюю историю, которая (фигура Петра. – Я. Г.) в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда мы не потеряем из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее»¹.

Погодин уловил чрезвычайно важную особенность нескольких столетий отечественной истории. В известном смысле мы по сию пору живем в петровском государстве, пытаемся решать те же самые задачи, которые он поставил перед страной, исправлять тяжкие ошибки, неизбежные при темпе и методе его преобразований.

«Весь корень русской жизни сидит тут», – сказал Лев Толстой, глубоко познакомившись с материалами петровского времени. Мы можем сегодня уверенно повторить эти слова.

Погодин боготворил Петра. И не он один, разумеется.

«Он Бог твой, Бог твой был, Россия!» – декларировал Ломоносов.

Наше дело – попытаться, насколько возможно, трезво взглянуть на того, чья тень покрыла несколько столетий и кто своими деяниями определил судьбу России и тем самым нашу судьбу, читатель.

¹ Погодин М. 77. Петр Великий. Историко-критические отрывки. Т. 1. М, 1846. С. 341.

И потому здесь представлены свидетельства современников Петра, и русских, и иностранных, чье восприятие личности царя, его деятельности и самой России если не диаметрально отлично одно от другого, то, во всяком случае, отличается принципиально. От обожания и прославления до критического анализа, от ужаса перед неограниченной жестокостью Петра и суровостью нравов его подданных до искренней попытки если не оправдать, то понять эту жестокость и суровость.

Большинство текстов в книге принадлежит европейцам. Культура мемуаристики в России в конце XVII – первой половине XVIII века еще только зачиналась. Тем более что многие из мемуаристов-европейцев направлялись в Россию именно с тем, чтобы собрать максимум информации об этой малопонятной стране и ее загадочном властелине.

Классическим примером можно считать аналитическую записку и донесения английского посла Чарльза Уитворта, прожившего в России пять лет, неоднократно встречавшегося с царем, завязавшего доверительные связи со многими соратниками Петра и получившего доступ к самым разнообразным сведениям, включая государственные тайны. Близко и пристально наблюдая происходящее в России, Уитворт, человек незаурядного ума и дипломатического опыта, проделал путь от восхищенного изумления деятельностью Петра до объективно трезвой оценки его политики.

В записке, адресованной английскому правительству и составленной уже по возвращении в Лондон, он, безусловно опираясь на свои донесения, счел необходимым подробно охарактеризовать личность российского царя: «Нынешнему царю тридцать восьмой год; государь красив, крепкого телосложения и здоровья, но которое в последнее время сильно подорвано вследствие нерегулярного образа жизни и переутомления. Он был подвержен сильным конвульсиям, причиной которых, как говорят, стал яд, подсыпанный ему в юности по приказанию его сестры Софьи; из-за этого он не любил, чтоб на него смотрели, но в последнее время почти избавился от конвульсий. Он чрезвычайно любознателен и трудолюбив и за 10 лет усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратно больший срок, и что еще более удивительно – сделал это без какой бы то ни было иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров, одной лишь силою своего гения, наблюдательности и собственного примера. Он прошел все ступени должностей в армии от барабанщика до генерал-лейтенанта, на флоте – от рядового матроса до контр-адмирала, а на своих верфях – от простого плотника до корабельного мастера <...>. Царь имеет добрый нрав, но очень горяч, правда, мало-помалу научился сдерживать себя, если только вино не подогревает его природной вспыльчивости. Он, безусловно, честолюбив, хотя внешне очень скромен; недоверчив к людям, не слишком щепетилен в своих обязательствах и благодарности; жесток при вспышках гнева, нерешителен по размышлению; не кровожаден, но своим характером и расходами близок к крайности. Он любит своих солдат, сведущ в навигации, кораблестроении, фортификации и пиротехнике. Он довольно бегло говорит на голландском, который становится теперь языком двора. Царь живет очень скромно. Будучи в Москве, никогда не располагается во дворце, а располагается в маленьком деревянном доме, построенном для него в окрестностях столицы как полковника его гвардии»².

Не со всеми положениями этого текста можно согласиться, но это хорошо продуманный документ, имеющий вполне определенный политический смысл: Лондону нужно было занять рациональную позицию по отношению к стремительно усиливающейся России в сложной европейской игре. И для этого непростого выбора представление о личности царя-самодержца могло иметь решающее значение.

² Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта. М.-Л., 1988. С. 73–74.

Записка Уитворта³, несомненно, интересна для нас, но оперативные донесения – живое восприятие постоянно накапливающихся впечатлений и фактов – куда важнее.

Записка – застывшая система. Донесения – живой жизненный процесс.

Вскоре после приезда в Россию (14 марта 1705 года) он писал: «Мощью собственного гения, почти без посторонней помощи он достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей, особенно для Турции <...>. Царь совершил также много других великих реформ, чрезвычайно полезных стране. Хотя доброе дело еще не доведено до совершенства, надо удивляться, как много его величество сделал в короткое время, не вызвав никаких смут; это должно приписать единственно счастливым способностям государя, его любознательности и трудолюбию. Невзирая на неудовлетворительные стороны своего воспитания, он трудом и наблюдательностью приобрел почти универсальные познания»⁴.

Пройдут считанные месяцы, и он вынужден будет сообщать в Лондон именно о смутах, вызванных реформами. Уже в мае 1706 года он писал в очередном донесении о тяжких заботах Петра, вызванных «разорением России»⁵.

К донесениям Уитворта, этому драгоценному источнику, мы еще вернемся.

Предисловие к настоящему сборнику не предусматривает сколько-нибудь подробного описания жизни первого российского императора. Нужен был бы иной жанр и иной масштаб. Тем не менее необходимо напомнить читателю ключевые моменты биографии нашего героя, в той или иной степени отраженные в текстах, составляющих книгу.

Историки неоднократно и совершенно справедливо писали о той роковой роли, которую сыграли в психологическом состоянии Петра и его отношении к старомосковскому быту – прежде всего, политическому – события 1682 года, кровавый шаш, во время которого мятежные стрельцы на глазах десятилетнего царя растерзали близких ему людей, а по некоторым сведениям, угрожали и его жизни.

Из мемуаристов, чьи работы вошли в книгу, об этом пишет автор «Гистории о царе Петре Алексеевиче» князь Борис Иванович Куракин, отпрыск древнего рода, родственник Петра. Если Куракин не был свидетелем страшных событий, то подробно о них знал: «Стрельцы почали требовать, чтобы выдали им изменников, а именно бояр Артамона Матвеева и Нарышкиных, которые будто бы извели царя Федора Алексеевича. И по тех запросах тотчас из-за царя Петра Алексеевича с великим невежеством взяли Артамона Матвеева и при всех их глазах кинули с крыльца Красного на копья и потом пошли во все апартаменты искать Нарышкиных. И одного Нарышкина, Ивана, тут же ухватили и убили, а Ивана Нарышкина нашли в церкви под престолом и, взяв, убили ж».

Повторим: на глазах десятилетнего мальчика, уже объявленного Боярской думой царем и знавшего это, убивали близких ему людей. Его окружала свирепая стихия, на которую не могли воздействовать ни патриарх, ни бояре – никто. И есть все основания полагать, что именно этот ужас перед неукротимой стихией, в которой ему виделась сама суть московской реальности, стал одним из ведущих импульсов, определивших стиль его столь же неукротимого «реформаторства». Если не тогда, 15 мая 1682 года, то вскоре после того Петр осознал стихию как своего главного и смертельного врага и затем – до конца жизни – пытался противопоставить ей «регулярность», жесткую и ясную систему, способную укротить кровавый хаос. Выстраивая свое «регулярное» государство, он не в последнюю очередь сокрушал страшные призраки своего детства и юности.

³ Записка Ч. Уитворта была введена в научный оборот Ю. Н. Беспятых (археографическая подготовка текста, статья, комментарии и редакция перевода) и Н. Г. Беспятых (перевод на русский язык).

⁴ Сборник императорского русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884. С. 60.

⁵ Там же. С. 272.

Отзвуки стрелецкого мятежа через много лет доходили до европейцев, посещавших Московское царство. Француз де ла Нёвилль, оказавшийся свидетелем политического катаклизма 1689 года, когда Петр и его сторонники отняли власть у царевны Софьи Алексеевны, реальной правительницы государства, в своих несколько сумбурных, но очень содержательных записках, так передал дошедшие до него слухи о событиях 1682 года: «Стрельцы (род войска, сходный с янычарами в Порте) совершили столь великую резню знатных господ, что если бы царевна Софья не вышла из царского дворца, чтобы утишить мятеж, и не явилась бы к ним, то продолжали бы нападать на невинных, словно на виновных, все более и более, чтобы затем грабить убитых»⁶.

Подробное описание трагедии 15 мая содержит «Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна». Анонимный автор «Дневника», поляк, был свидетелем событий и воспроизвел их достаточно точно. Он начинает ошибаться, когда выходит за пределы личного опыта.

Материалы, посвященные «зверскому избиению московских бояр», представлены здесь в таком значительном объеме, поскольку, на наш взгляд, без этих событий петровские преобразования носили бы иной характер.

В чрезвычайно содержательном и концептуально важном очерке «Царь-реформатор» известнейший российский историк Е. В. Анисимов пишет: «Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали как бы фоном начальных лет будущего реформатора России, и они определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность»⁷.

В эту и в самом деле уникальную индивидуальность входило, помимо прочего, полное пренебрежение к особенностям человеческой психологии и категорическое неприятие компромиссов, когда дело касалось разрушения ненавистного старомосковского быта.

Е. В. Анисимов предлагает очень точное и многое объясняющее наблюдение. После майского мятежа 1682 года, когда власть прочно взяла в свои руки царевна Софья, поддержанная стрельцами, Петр с матерью, вдовствующей царицей, и «малым двором» переселился в Преображенское и выпал из специфического мира Кремля с его обычаями и ритуалами. Отрочество отстраненного от власти юного царя прошло в атмосфере, принципиально отличной от традиционной, в которой воспитывались его предшественники, вне закоснелых установок и представлений.

В конечном счете это стечение обстоятельств вкупе с врожденными особенностями личности определило его индивидуальность. И это была индивидуальность демиурга – строителя своего мира, для которого главным законом является собственная воля.

Разумеется, жизненная практика, сосредоточенная в Кремле, была достаточно многообразна и неоднородна. Читатель поймет это, знакомясь с рассказом де ла Нёвилля о фаворите царевны Софьи и «первом министре» князе Василии Васильевиче Голицыне, убежденном европейце, мечтавшем о гуманизации русской жизни. Но к юному Петру этот мир повернулся своей смертельно опасной ипостасью. Таким он его и воспринимал всю жизнь. И когда получил власть – фактически абсолютную, он стал расправляться со старым миром со злорадной жестокостью, поражающей как европейских наблюдателей, так и близких Петру русских людей.

Об этом с горечью рассказывает князь Куракин в своей «Гистории». С описанием Всешутейшего собора, этой злой попытки компрометации церковной иерархии, читатель встретится в предлагаемых материалах. Сейчас только процитируем князя Бориса Ивановича, чтобы читатель заранее представлял себе, какими методами молодой царь накануне путешествия в Европу разрушал авторитет старомосковской знати: «И в тех святках что происходило, то вели-

⁶ мятеж, то выступления гвардии носили принципиально иной характер и нашли свое завершение в идеологии декабризма.

⁷ Анисимов Е. В. Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993. С. 6.

кою книгою не описать, и напишем, что знатного. А именно: от того начала ругательство началось знатым персонам и великим домам, а особливо княжеским домам многих и старых бояр: людей толстых протаскивали сквозь стулья, где невозможно стать, на многих платье дирали и оставляли нагишом, иных гузном яйца на лохани разбивали, иным свечи в проход забивали, иных на лед гузном сажали, иных в проход мехом надували, отчего один Мясной, думный дворянин, умер. Иным многие другие ругательства чинили. И сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуготовлялись как бы к смерти. И сие продолжалось до езды заморской в Голландию» (орфография в цитате приведена в соответствии с современными нормами).

Это писал не какой-нибудь иностранный злопыхатель, а русский аристократ, выросший рядом с Петром, герой Полтавской битвы...

Несмотря на свой импульсивный характер, Петр был великий прагматик. Все его действия имели несомненный смысл. И святочные бесчинства, которые он творил со своим ближним кругом, отнюдь не были просто пьяными молодецкими забавами. Таким безжалостным образом унижая в глазах русского люда тех, кто еще вчера был в почете и силе, Петр расчищал в сознании народа место для новой знати. Он ломал представление о социальном статусе.

Когда по возвращении из Европы (в данном томе читатель найдет выразительные свидетельства тех, кто наблюдал Петра в этот период) он стал резать бороды и в законодательном порядке переодевать людей в европейское платье, это было продолжение той же стратегии – разрушения миропредставления подданных.

Именно в этом унижительном для народного самосознания радикализме наиболее проныщательные свидетели видели причины упорного сопротивления нововведениям, выливающегося в открытые мятежи.

Показательна эволюция представлений осведомленного и вдумчивого Уитворта о причинах астраханского мятежа, которому он в своих донесениях уделил немало внимания.

26 сентября 1705 года он писал в Лондон, находясь в лагере русской армии под Гродно: «Дней пять, шесть тому назад здесь распространились настойчивые слухи о новом мятеже в царстве Астраханском, а 30-го числа прошлого месяца, вечером, сюда прибыл курьер с известием, что он уже и подавлен. Подробности этого мятежа передают различно, но более вероятно следующее. Царь нашел удобным взять в казну рыбные ловли и соляные промыслы по Волге, на которых до сих пор местные жители находили себе и преимущественные занятия, и средство к существованию. Два из оставшихся стрелецких полков, поселенные в Астрахани и составляющие в то же время астраханский гарнизон, взбунтовались, умертвили своих офицеров и воеводу, затем, усилившись содействием других недовольных, решили идти прямо на Москву»⁸. Дальнейший ход событий, представленный Уитвортом, реальности не соответствует. Его целенаправленно дезинформировали. Но дело не в этом. Существенно то, что в качестве причины мятежа английский дипломат, сравнительно недавно приехавший в Россию, называет понятные ему экономические обстоятельства.

6 октября он сообщает: «Мятеж этот, не будь он так счастливо подавлен в самом начале, мог повлечь за собою крайне опасные последствия, так как недовольство русских всеобщее; да еще и не вполне достоверно, чтобы действительно все так успокоилось, как уверяют здесь; недаром фельдмаршал Шереметев на почтовых отправился из Курляндии в Москву...»⁹

Уитворту не изменило чутье. Мятеж отнюдь не был подавлен, и Шереметев призван был возглавить довольно значительную группировку, направленную на его подавление.

В этом пассаже важно заявление о «всеобщем недовольстве» русских...

⁸ Сборник императорского русского исторического общества. С. 172.

⁹ Там же. С. 175.

Постепенно картина для Уитворта прояснялась. Стало понятно, что мятежники, как он писал в одном из донесений, не были доставлены в Москву разгромившими их казаками. На самом деле это была делегация восставших астраханцев, которым Петр пообещал прощение и удовлетворение их жалоб, хотя, как позже выяснилось, он вовсе не собирался этого делать.

Но главное не это. 20 февраля 1706 года в пространном донесении Уитворт, помимо многого другого, объясняет своему лондонскому адресату, статс-секретарю английского правительства Р. Гарлею («Харли» в современном написании), причины «всеобщего недовольства» – формула, к которой он не раз возвращается.

Уитворт рассказывает о «секте» старообрядцев, к которой принадлежит «большая часть среднего класса населения, ревностно стоящая за длинные бороды и долгополое платье». Но затем говорит и о недовольстве «всего народа» петровскими нововведениями. И отсюда переходит к объяснению причин астраханского мятежа, представляя его некой «моделью возможной обширного бунта»: «...Астраханский губернатор, человек жестокий и неосторожный, недовольный карою, наложенной царем на ослушников (т. е. он считал, что Петр слишком мягок. – Я. Г.) решился провести коренное преобразование, для чего по истечении известного назначенного им срока расставил приставов у входа во все церкви, приказав обрезать длинные платья женщин до половины, а бороды у мужчин сплошь. Такое насилие привело все население города (почти поголовно принадлежащее к указанной секте) в негодование. Выбрав одного из самых ревностных приверженцев старины (младшего сборщика податей) своим предводителем, мятежники ночью вторглись к губернатору и растерзали его, а также умертвили 300 семей иностранцев, частью купцов, а частью и шведских пленных. В одном из домов они нашли болван, сделанный для расчесывания париков, с носом, ртом глазами; немедленно схватили его и с триумфом таскали по городу при громких криках толпы: „Гляди, вон чужеземный бог, которому нас, пожалуй, заставят и молиться, если мы не отделаемся от их обычаев и рабства!“»¹⁰

Эта версия астраханского мятежа требует некоторых фактических корректив, но суть передана правильно. Стремительное крушение привычного мира, замена его чем-то чуждым и непонятным ужасали и озлобляли людей. И отнюдь не только староверов-раскольников. И если в центральной России, в пределах легкой досягаемости власти, недовольство носило подспудный и чаще всего частный характер и успешно подавлялось карательным аппаратом, поддержанным мощной силой – гвардией, то на окраинах государства дело обстояло иначе. Астраханский мятеж, как и мятеж Булавина, происходившие на фоне тяжелой войны и «всеобщего недовольства», были чрезвычайно тревожным симптомом. Однако два фактора сделали нереальным свержение Петра: массовые казни 1698 года, физически уничтожившие активную часть единственной организованной силы, пытавшейся противостоять петровским нововведениям – мятежные стрелецкие полки, и существование гвардии – грозной боевой силы и не менее грозного орудия подавления и контроля.

Можно с достаточной уверенностью предположить, что явлением, резко обозначившим наступление принципиально нового этапа в бытовании российской власти и приближение неотвратимых перемен, были не святочные издевательства над старомосковской знатью, а массовые казни октября 1698 года, подробную картину которых оставил нам в своем «Дневнике путешествия в Московию» секретарь посольства австрийского императора Иоганн Георг Корб. С бюрократической педантичностью Корб излагает хронологию безжалостной расправы над мятежными стрельцами: «Первая расправа 10 октября 1698 года», «Вторая расправа 13 октября 1698 года», «Третья расправа 17 октября 1698 года», «Четвертая расправа 21 октября 1698 года», «Пятая расправа 23 октября 1698 года», «Шестая расправа 27 октября 1698 года», «Седьмая расправа 27 октября 1698 года», «Последняя расправа 31 октября 1698 года».

¹⁰ Там же. С. 248.

В описании первой расправы есть такая фраза: «...благороднейшая в Московии десница снесла секирою пять мятежных голов». Речь идет о царе, который собственноручно рубил головы своим подданным...

Иван Грозный мог без колебаний зарезать человека, но массовые казни он все же поручал своим подручным. Царь, исполнявший роль палача, – это зрелище должно было глубоко потрясти народное сознание.

Корб старательно классифицирует «расправы», находя существенные отличия в каждой из них.

О «шестой расправе» он сообщает: «Она сильно разнится от предшествующих. Способ ее исполнения был вполне различный и почти невероятный. Триста тридцать человек были выведены вместе зараз для смертельного удара секирою и обагрили всю равнину хотя и гражданской, но преступной кровью. Все бояре, сенаторы царства, думные и дьяки, принимавшие участие в соборе, устроенном против мятежных стрельцов, были по царскому указу позваны в Преображенское, где им приказано было нести службу палача».

Не меньшее впечатление на австрийского дипломата произвела «седьмая расправа» – казнь священников, сопровождавших мятежные стрелецкие полки. Священников вешал придворный шут, одетый в рясу, «так как считалось греховным предавать попа в руки палача». Тело обезглавленного священника положили рядом с церковью, и молящиеся должны были проходить мимо казненного.

«Его царское величество смотрел из колымаги, когда попов вели на казнь, и обратился с краткой речью о злом умысле попов к народу, стоявшему вокруг большою толпою; к этому прибавил он и угрозу, чтобы никто из попов не дерзал затем молиться Богу с подобными намерениями».

Так формировалось отношение Петра к церковникам, «длинным бородам», которых он считал силой, ему противостоящей, что и привело к церковной реформе, превратившей церковь в элемент бюрократического аппарата, а царя в фактического главу церкви.

Любимое и наиболее удавшееся детище Петра – гвардия – полки Преображенский и Семеновский – стала определяющим политическим фактором на целое столетие: с января 1725 года, когда она возвела на престол Екатерину I, и до катастрофы декабря 1825 года. И если при жизни первого императора гвардия была именно орудием в его руках, то после его смерти она постепенно стала выходить из-под контроля правящих фигур и сама ставила и решала стратегически важные задачи государственной жизни.

Создание гвардии, выросшей из «потешных» войск, – сюжет принципиальный и не до конца проясненный. С какого момента мальчишеские воинские забавы превратились в целенаправленную работу по формированию вооруженной опоры для возвращения незаконно отнятой власти?

И здесь для нас может многое прояснить (как в событиях 1698 года, так – и это главное – в истории создания гвардии) еще один уникальный источник, фрагменты которого включены в настоящий том, – дневник Патрика Гордона.

Родовитый шотландский дворянин, профессиональный военный, Гордон служил в русской армии с 1661 года. Его дневник, который он вел несколько десятилетий, – колоссальный массив насыщенных разнообразной информацией текстов. Нас, разумеется, интересует период, относящийся к эпохе Петра: с его юности и до смерти Гордона в 1699 году¹¹.

В дневнике Гордона Петр, «младший царь», до поры фигурирует довольно редко, но упоминания о нем становятся все более значимыми. И ценность дневника заключается не только

¹¹ О Патрике Гордоне этого периода см.: Федосеев Д. Г. От Киева до Преображенского // Гордон 77. Дневник. 1684–1689. М., 2000.

в том, что он рассказывает о самом Петре. Это выразительный образец фона, на котором шло движение Петра к власти.

Надо обратить внимание на обилие в дневнике иностранных имен, особенно имен офицеров, что свидетельствует о массовом привлечении европейских военных профессионалов в русскую армию задолго до военной реформы Петра.

Дневник Гордона, наблюдавшего русскую жизнь с 1660-х годов, существенно корректирует наши представления о старомосковском быте и дает представление о тех ресурсах, которые оказались под рукой Петра в момент прихода к власти.

Генерал Гордон был не только талантливым военным, но и государственно мыслящим человеком, в дневнике за январь 1664 года он приводит документ, который сегодня назвали бы аналитической запиской. Это написанные по просьбе князя Василия Васильевича Голицына размышления о целесообразности похода на Крым, то есть фактически о войне с Турцией.

Оценивая общую ситуацию в государстве, он пишет: «В связи с настоящим положением вашей страны я нахожу мир наиболее необходимым для вас, и сие на следующих основаниях: 1. Несовершеннолетие императоров; правители государств всегда остерегаются, воздерживаются и не желают начинать войну, дабы в случае неудачного исхода достигшие совершеннолетия государи не возложили вину на тех, кто поощрял или позволял военное предприятие. 2. То, что [монархов] двое, посредством чего государство делится на клики; несогласие, подозрительность и раздоры среди дворянства порождают смятение и нерешительность в советах, что не может не повлечь великие препятствия в ведении войны. 3. Недостаток денег и скудость казны, кои суть нерв войны...» В последней фразе Гордон использует известную античную формулу, которую в том или ином виде повторяли затем Петр I и Наполеон.

Но генерал приводит и веские аргументы в пользу войны, давая возможность князю Голицыну сделать свой собственный выбор. И если оба Крымских похода Голицына закончились неудачно, то в этом менее всего виновен Гордон, не допущенный к принятию стратегических решений, но честно и профессионально выполнявший свой долг.

Гордон прекрасно ориентировался в запутанной политической ситуации во властных верхах. И вел себя очень осмотрительно. 18 января 1684 года он занес в дневник: «Боярин (т. е. князь В. В. Голицын. – Я. Г.) сказал мне, что если я желаю явиться к рукам их величеств, то нынче могу видеть лишь одного из них, от чего я уклонился, предпочитая подождать, пока не увижу обоих, сие – дабы выиграть время».

Его отправляли служить в Киев, чего он вовсе не хотел. Но кроме того генерал не желал, чтобы его связывали с кем-то одним из двух юных царей. Однако он понимал, что если слишком долго «выигрывать время», то это может быть принято за демонстрацию.

«22. Я узнал о недомогании младшего императора и что, болея оспой, он едва ли скоро поправится и покажется на виду. Будучи уведомлен, я поехал [во дворец] и поцеловал руку старшего императора – болезненного и немощного государя, который печально озирался. Он не сказал ничего, только боярин от его имени спросил о моем здравии и похвалил мои заслуги. Затем меня провели чрез оную и другую залу, где принцесса Софья Алексеевна восседала в кресле на возвышении в дальнем конце залы... После обычных знаков почтения боярин от имени принцессы справился о моем здравии и сказал, что жалует меня к руке, кою я, приблизившись с обычным поклоном, поцеловал».

Этим лапидарным текстом Гордон дает понять, кто реально правил государством. И его описание «старшего императора» – семнадцатилетнего Ивана – тому подтверждение. «Младший император» пока еще Гордона мало интересует. Но постепенно именно ему генерал уделяет в дневнике особое внимание.

26 января 1686 года: «Был у рук их величеств и получил чарку водки из рук младшего, с повелением от него скоро возвращаться».

Гордон уезжал в отпуск в Англию. Жена и дети оставались в Москве, как он писал, «в качестве залога».

Петр скорее всего по-настоящему оценил Гордона после парадного марша «на виду их величеств» Бутырского полка, обученного генералом. Петр впервые увидел марш настоящего регулярного войска.

25 января 1688 года Гордон отмечает, что «младший царь» впервые заседает в Боярской думе.

По записям с сентября 1688 года создается впечатление, что Петр и Гордон целенаправленно превращали «потешные войска» в боеспособную часть.

7 сентября 1688 года многозначительная запись в дневнике: «Большая видимость и слухи о восстании среди стрельцов», и сразу следом: «Царь Петр Алексеевич (уже не «младший царь». – Я. Г.) прислал нарочного за 5 флейтщиками и 5 барабанщиками из моего регимента (полка. – Я. Г.) – боярин к[н]. В. В. очень рассердился, что они отправлены без его ведома; прислано также за юными барабанщиками, и 5 отправлены в немецких мундирах. Царь повелел выдать каждому из флейтщиков и барабанщиков по рублю и сукно на одежду». И на следующий день: «Царь снова послал к боярину за флейтщиками и барабанщиками, коих тот приказал весьма неохотно отправить с капитаном».

17 сентября: «После полудня, когда младший царь ехал из Преображенского, я встретил его в[еличество] и имел честь целовать его руку, а он осведомился о моем здравии».

Была ли эта встреча случайной? Ограничился ли их разговор вопросом о «здравии» генерала? Мы можем только предполагать.

13 ноября 1688 года: «Все барабанщики моего регимента вызваны царем Пет. Ал. и 10 отобраны в так называемые конюхи». Многозначительная оговорка: «так называемые конюхи».

Нет надобности далее цитировать дневник. Читатель сам сможет прочитать о том, как хорошо обученные солдаты образцового Бутырского полка превращались в будущую петровскую гвардию, составив ее костяк. Кстати, именно Гордон в 1689 году первым назвал гвардией Преображенский и Семеновский «потешные» полки.

Особенно значима та часть дневника, которая фиксирует события осени 1689 года. Этот текст, несмотря на обычную немногословность Гордона, полон динамики и драматизма. Ознакомившись с ним, читатель поймет всю напряженность и глубоко скрытую парадоксальную логику происшедшего, равно как и роль генерала Гордона в бескровном переходе власти от царевны Софьи с ее стрелецкими полками к семнадцатилетнему Петру.

Эту глубинную логику происшедшего, труднообъяснимую с точки зрения реальной расстановки сил, тонко уловил и попытался воспроизвести Лев Толстой в набросках к одному из вариантов романа о Петре: «Во всех приказах в Москве сидели судьи от Царевны Софьи Алексеевны и судили, приказывали, казнили и награждали по указам Царевны Софьи Алексеевны и Князя Василия Васильевича.

От Царевны Софьи Алексеевны и Князя Василия Васильевича читались указы стрельцам, немцам, солдатам, воеводам, дворянам, чтобы под страхом казни не смели ослушаться, не смели бы слушать указы из Лавры.

От Царя Петра Алексеевича читались указы из Лавры, чтоб под страхом казни не смели слушаться Царевны Софьи Алексеевны, чтоб стрельцы, немцы, солдаты шли к Троице, чтоб воеводы посылали запасы туда же.

Уже 7 лет весь народ слушался указов Царевны Софьи Алексеевны и Василия Васильевича, слушали их в делах немалых: и войны воевали, и послов принимали, и грамоты писали, и жаловали бояр и стрельцов и деньгами, и землями, и вотчинами, и в ссылки ссылали, и пытали, казнили людей немало <...>.

Царь Петр Алексеевич никогда народом не правил и мало входил во все дела, только слышно было про него, что он связался с немцами, – пьет, гуляет с ними, постов не держит

и утешается ребяческими забавами: в войну играет, кораблики строит. Кого было слушаться? Народ не знал и был в страхе. Страх был и от угрозы казни – от Царевны ли, от Царя ли, – но еще больше страх был от стрельцов. Только семь лет тому назад били и грабили стрельцы всех, кого хотели, и теперь тем же хвалились»¹².

Казалось бы, сила была на стороне царевны Софьи. Ее поддерживало подавляющее большинство стрелецких полков, многократно превосходивших по численности то, чем располагал в военном отношении Петр. И победа «младшего царя» объясняется не столько военно-политическими, сколько историко-психологическими причинами. Каким-то удивительным образом даже преданные сторонники Софьи – не говоря уже о солдатах генерала Гордона и самом генерале – догадывались, что будущее за Петром.

И Толстой (в декабре 1872 года он, помимо прочего, просил историка П. Д. Голохвастова прислать ему дневник Гордона, который он, очевидно, читал в немецком переводе, изданном в России с 1849 по 1851 год, и, соответственно, хорошо представлял внешнюю канву событий), уверенный, что истинные механизмы событий никогда не выходят на поверхность, для объяснения происшедшего предложил чрезвычайно выразительную метафору: «Как на терезах (весах. – Я. Г.) твердо – не двинется – сидит на земле положенная гиря и также сидит, пока на другой лоток в насыпку зерно сыплют работники и вдруг от горсти зерна поднимается и колышется без силы от пальца ребенка, так точно после шести лет силы при Царе Федоре и шести лет при Царевне Софии, когда Князь Василий Васильич Голицын чувствовал себя первым человеком в Царстве, и все просили милости, он награждал и наказывал, и богатству его не было смоты, так после двенадцати лет, ничего не сделав, вдруг кн. Василий Васильич почувствовал, что нет больше в ней силы, что он, так крепко сидевший, что ничто, казалось, не могло поколебать его, что он висит в воздухе и, как соломинка, выбившаяся из-под крыши, мотается по ветру и вот-вот оборвется и полетит незнамо куда...»¹³

Дальше Толстой пишет о роли в этом таинственном непреодолимом процессе «немца» Гордона, ушедшего в Троицу. И в этот момент князь Голицын окончательно осознает свое крушение...

Невозможно с достаточной определенностью сказать, когда в сознании Петра сложилось представление о характере будущих преобразований. Невозможно с достаточной определенностью сказать, вопреки распространенному мнению, какое направление экспансии было для Петра изначально приоритетным – северо-запад или юго-восток. А это вопрос принципиальный.

Центральным событием десятилетия между приходом к власти и путешествием в Европу с Великим посольством стали Азовские походы, попытка прорыва к морям – Азовскому и Черному, вызов стратегическому противнику – Турции, закрывавшей дорогу в Средиземноморье.

В «Достопамятных повествованиях» Андрея Нартова, фрагменты из которых включены в этот том, есть свидетельства, много объясняющее в стратегии Петра: «Государь рассказал графу Шереметеву и генерал-адмиралу Апраксину, что он в самой молодости своей, читая Несторов летописец, видел, что Олег посылал на судах войски под Царьград, отчего с тех пор поселилось в сердце его желание учинить то же против вероломных турок, врагов христиан, и отомстить обиды, которые они обще с татарами России делали, и для того учредил кораблестроение в способном месте, и такую мысль его утвердила бытность его в Воронеже, где, обзоревав он местоположение реки Дона, нашел способным, чтоб по взятии Азова пройти и в Черное море».

Вспомним, что Уитворт в возросшем могуществе России видит угрозу прежде всего Турции. Петру «турецкое направление» сулило не только возможный выход в Средиземно-

¹² Толстой Л. Н. Поли. собр. соч.: в 90 т. Т. 17. М., 1936. С. 167.

¹³ Там же. С. 159.

морье. Разгром Османской империи, нависающей над Европой, в союзе с Австрийской империей, постоянно с Турцией воевавшей, открывал для России право войти на равных в «концерт» европейских держав. Поскольку Блистательная Порта, несмотря на тяжелое поражение под Зеной в 1683 году от польско-австрийской армии под командованием Яна III Собесского, короля Польши и великого князя литовского, все еще представляла немалую опасность, то Россия как сильный союзник на этом направлении была весьма полезна. В то же время продвижение России в направлении западном не могло не вызвать опасений у европейских правительств.

После Полтавы Петр активно закреплял свои позиции на Балтике – взяты Рига, Ревель, Выборг. Но, казалось бы, вопреки логике Петр стремительно переориентировал свою боевую энергию на турецкое направление. Ведь не собирался же он захватить Карла XII, скрывшегося на турецкой территории. Весьма рискованная авантюра, (что было совершенно не в стиле Петра) – Прутский поход – едва не закончился полной катастрофой, перечеркнул результаты Азовских походов, лишил Россию Таганрога и надежды на сильный флот на юге. Зря пропали колоссальные усилия.

К середине 1710-х годов завоевана значительная часть Финляндии. Русские галеры берут на бордаж шведские суда при Гангуте. Петр властно вмешивается в европейские дела, посылая полки в Голштинию и Померанию.

Но одновременно он ведет энергичную игру на Каспии. Персия представлялась слабым звеном – здесь возможен был прорыв в «золотые страны Востока», на просторы Азии, к северным границам Индии. Петр отправляет сильную вооруженную экспедицию в Хиву, гибнущую по неразумию ее командира гвардии капитана Александра Бековича. На восточном берегу Каспия строятся крепости – плацдармы для дальнейшего продвижения. В 1716 году поставлена крепость у Красных Вод (по ржавому цвету воды в источниках), гарнизон – два пехотных полка, Крутойарский и Риддерев. Численность – 1293 человека. В первый год умерло 765. Жара, вредная вода, болезни. Когда в 1717 году остатки гарнизона крепости Кизыл-Су выводили водой по Каспию в Астрахань, то в бурю погиб еще 191 солдат...

На могиле петровских солдат в 1762 году экспедицией инженер-майора Ладыженского, побывавшей в Красноводской бухте, был поставлен памятник. Автор этой статьи посетил Кизыл-Су в 1982 году – за памятником ухаживали местные жители. Он был покрашен серебряной краской. Цел ли он теперь?

После всех триумфальных успехов – под Полтавой и на Балтике – острый интерес к юго-востоку у Петра полностью сохранился. Через год после окончания Северной войны он начинает Персидский поход, требующий огромных затрат и немалых человеческих ресурсов.

Россия окончательно становится военной империей.

По свидетельству Андрея Нартова, Петр приказал перевести и издать книгу «Деяния Александра Македонского Великого». Неслучайно из великих полководцев древности Петр выбрал именно Александра Македонского, сокрушителя Персии (хотя в другом рассказе Петр противопоставлял Александру Юлия Цезаря). Через семьдесят с небольшим лет во второй Персидский поход послала русские войска Екатерина II, считавшая себя продолжательницей дела Петра. Над корпусом Валериана Зубова в 1796 году, как и над полками Петра в 1722-м, витала тень великого македонца.

Судя по свидетельству Нартова, Петр непосредственно сопоставлял себя с Александром Македонским: «От него же, генерала Левашова, слышал я, что Петр Великий, въезжая торжественно на коне в город Дербент и зная по преданиям, что первоначальный строитель оного был Александр Великий, к бывшему при нем генералитету сказал: „Великий Александр построил, а Петр его взял“».

Наверняка Петру пришлось бы по вкусу известная фраза генерала Ермолова, тоже жаждавшего сокрушить Персию и вырваться на просторы Азии: «В Европе нам шагу не дадут ступить без боя, а в Азии целые царства к нашим услугам».

Каспийский проект Петра – особая тема, требующая тщательного осмысления и, несмотря на имеющиеся две основательные монографии, заслуживающая дальнейшего изучения в контексте общей имперской стратегии Петра¹⁴.

Тогда же, в середине 1710-х годов, разворачивалась трагедия царевича Алексея, в ходе которой выявился тяжелый кризис отношений Петра со многими его соратниками. «Дело» царевича Алексея – зеркало зловещих противоречий, нараставших в ходе преобразований, противоречий между интересами военно-бюрократического государства и страны. «Дело» царевича Алексея развивалось параллельно с подготовкой податной реформы, принципиально новых способов наполнения бюджета, реформы, в результате которой страна окончательно превратилась в сырьевую базу для государства¹⁵.

Смертельный конфликт отца и сына в массовом сознании базируется на мифе, основание которого заложил сам Петр.

Нартов передает: «О царевиче Алексее Петровиче, когда он привезен был обратно из чужих краев, государь Толстому говорил так: „Когда бы не монахиня (первая жена Петра Евдокия Лопухина, постриженная в монахини. – Я. Г.), не монах (духовник царевича протоиерей Яков Игнатьев. – Я. Г.) и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень – старцы и попы! Отец мой имел дело с одним бородачем (патриарх Никон. – Я. Г.), а я с тысячами. Бог сердцевидец и судия вероломцам! Я хотел ему блага, а он всегдашний мне противник”.

На сие Толстой его величеству отвечал: „Кающемуся и повинующемуся милосердие, а старцам пора обрезать перья и поубавить пуху”. На это повторил его величество: „Не будут летать скоро, скоро!”».

Диалог этот вполне правдоподобен. Петр, как мы знаем, считал духовенство едва ли не главным своим врагом. И проведя руками Феофана Прокоповича церковную реформу, ликвидировав патриаршество, отменив тайну исповеди, сделав церковь частью бюрократического механизма, царь «обрезал перья» настолько, что лишил церковь сколько-нибудь значительной роли в жизни государства.

Репутация Алексея была, как водится, посмертно создана теми, кто его пытал и убил: глуповатый, безвольный, ленивый человек, марионетка в руках темных попов и противников прогрессивных реформ. Визуально для нас царевич – хилый, жалкий молодой человек с картины Николая Ге, стоящий перед могучим гневным Петром.

Несомненно, личность Алексея несопоставима с мощной фигурой его великого отца. Но и расхожий карикатурный образ действительности не соответствует.

Наблюдательный Уитворт, наполнявший свои донесения только значимыми сведениями, внимательно следил за жизнью царевича.

28 февраля 1705 года он сообщает в Лондон: «...я имел честь приветствовать сына и наследника царского, Алексея Петровича, высокого красивого царевича лет шестнадцати, который отлично говорит на голландском языке и присутствовал на обеде вместе с Федором Алексеевичем Головиным и председателем военного совета Тихоном Никитичем <Стрешневым>, который прежде был дядькой царя и до сих пор пользуется его доверием»¹⁶.

¹⁴ См.: Лысов В. 77. Персидский поход Петра I. 1722–1723. М., 1951; Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. М., 2010.

¹⁵ Обширный фактический материал и многообразная проблематика податной реформы тщательно проанализирована в монографии: Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л., 1982.

¹⁶ Сборник императорского русского исторического общества. С. 43.

Головин успешно руководил внешнеполитическими делами, а Стрешнев возглавлял Разрядный приказ, орган, который до 1711 года был своего рода военным министерством.

И Головин, и Стрешнев пользовались особым доверием Петра, и то, что царевич был представлен ими послу державы, отношения с которой Петр в это время упорно старался наладить, знаменательно.

Что до внешности Алексея, то австрийский дипломат Оттон Плейер описывает его в донесении своему императору как красивого, высокого, широкоплечего молодого человека с тонкой талией, которого портит только сутулость.

12 августа того же года Уитворт пишет из Смоленска: «...Вечером сюда неожиданно прибыл юный царевич Алексей Петрович, возвращаясь из армии в Москву, говорят, в следствие слабого здоровья, но я думаю, скорее для того, чтобы государство не осталось совсем покинутым, так как кампания продлится, по-видимому, долее, чем первоначально ожидали»¹⁷.

Весьма осведомленный Уитворт воспринимал Алексея как полномочного представителя царя.

24 декабря 1706 года: «Царь торопливо и втайне отправляет в Польшу царевича-наследника, который выезжает отсюда (из Москвы. – Я. Г.) завтра же»¹⁸.

Поскольку в Польше шла борьба группировок за престол, с которого Карл XII сместил саксонского курфюрста Августа, то Уитворт предполагает, что Петр намерен предложить своим сторонникам кандидатуру Алексея, хотя вскоре от этой идеи дипломат отказался; однако то, что она у него возникла, свидетельствует о репутации Алексея в этот период.

28 мая 1707 года: «Полагают, что главным театром военных действий будет Литва, почему наследнику-царевичу государь приказал учредить обширные магазины в Смоленске и Могилеве...»¹⁹

От снабжения армии продовольствием на период активных боевых действий слишком многое зависит, чтобы поручать это ненадежному человеку. В это время Петр явно доверял наследнику.

А вскоре, осенью 1707 года, когда ждали вторжения Карла, Алексею было поручено руководить укреплением Москвы. Очевидно, царь остался доволен деятельностью царевича, поскольку положение его было весьма прочно.

В донесении от 26 ноября 1707 года (работы по укреплению Москвы интенсивно продолжались, хотя опасность вторжения отпала) Уитворт описывает прием, который дал в своем московском дворце Меншиков в честь собственных именин: «...Приглашено было около четырехсот знатнейших гостей. Царевна Наталья, любимая сестра государя, вдовствующая царица (вдова царя Ивана У соправителя Петра. – Я. А), три молодые княжны, ее дочери, и все дамы обедали в особом покое. В большом зале приготовлено было несколько столов для мужчин, среди которых первое место занимал царевич-наследник, и находились самые знатные лица <...>. Его высочество царевич-наследник пил за ее величество королеву. Каждый из этих тостов сопровождался залпом из пятидесяти орудий. Его высочество удостоил меня самого лестного внимания»²⁰.

Последняя фраза свидетельствует о том, что в глазах Уитворта Алексей был фигурой влиятельной, и его внимание для дипломата, решавшего в России не только политические, но и экономические проблемы, для Англии весьма чувствительные, безусловно важно.

10 марта 1708 года: «26 минувшего месяца праздновался день рождения царевича-наследника Алексея Петровича, который некоторое время исправлял должность москов-

¹⁷ Там же. С. 148.

¹⁸ Там же. С. 348.

¹⁹ Там же. С. 400.

²⁰ Там же. С. 442.

ского губернатора, посещает Боярскую думу и очень усердно занимается укреплениями. В этот день его высочество проводил бригаду новонабранных драгун до самой Вязьмы, города, расположенного на полпути к Смоленску»²¹.

Судя по его письмам-донесениям Петру из Польши осенью 1711 – весной 1712 года, Алексей, с трудом преодолевая сопротивление поляков, занимался тем же ответственным делом – заготовкой провианта для армии.

Надо иметь в виду, что царевич знал немецкий, голландский, возможно, польский языки. Изучал французский.

Учитывая все вышесказанное, становится понятна цена официальной позиции советской историографии по отношению к царевичу: «Алексей проводил время в забавах и в беседах с монахами и придворными – врагами преобразований, установил тайные связи со своей матерью, в кругу близких людей прямо говорил о необходимости отказаться от реформ и перенести столицу из Петербурга в Москву»²².

При этом надо понимать, что царевич жил двойной жизнью. Он отнюдь не «проводил время в забавах и беседах с монахами», но, выполняя поручения отца, конспиративно поддерживал отношения не только с любимой матерью, заточенной в монастырь, но и с весьма значительными персонами из царского окружения. Как выяснилось во время следствия, среди его конфиденентов кроме некогда близкого царю Александра Кикина, инициатора побега Алексея, были и фельдмаршал Шереметев, и князь Василий Владимирович Долгоруков, один из талантливейших генералов Петра, и будущий глава Верховного тайного совета, а в то время киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицын...

«Дело» царевича Алексея – особая многогранная обширная тема. И человеческие, и политические корни смертельного конфликта отца и сына, на наш взгляд, исследованы и поняты недостаточно. Вполне вероятно, что роковую роль в его развитии сыграла Екатерина I и особенно Меншиков, ненавидевший Алексея и опасавшийся его воцарения.

К сожалению, в отличие от страшных событий 1698 года следствие над Алексеем слабо отразилось в свидетельствах современников.

Попытки донести до своего правительства остроту этой ситуации стоили австрийскому послу Оттону Плейеру его должности. Из иностранных дипломатов, чьи записки включены в этот том, только ганноверский резидент при русском дворе Ф.-Х. Вебер уделил «делу» Алексея сравнительно пристальное внимание. Но представленная им картина не имеет ничего общего с действительностью. Трогательные тексты Вебера, где нет ни слова о пытках, которым подвергался царевич, зато много рассуждений о душевных терзаниях Петра, стали одной из составляющих благодного мифа, бытовавшего в XIX веке.

Пушкин, первый из исследователей, получивший доступ к материалам следствия, с присущей ему гениальной лапидарностью зафиксировал суть ситуации: «Царь ненавидел сына как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания <...>. Пытка развязала ему (царевичу. – Я. Г.) язык, он показывал на себя все новые вины <...>. Царевич более и более на себя наговаривал, уstraшенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями. <...> Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез Петра в Ориенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года»²³.

Говоря о царевиче как о «препятствии настоящего и будущего разрушителя его создания», Пушкин, собственно, повторял версию Петра.

²¹ Там же. С. 466.

²² История СССР с древнейших времен до 1861 г. М., 1956. С. 456.

²³ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: в 16 т. Т. 10. М.; Л., 1938. С. 245.

Здесь нет возможности подробно анализировать этот трагический конфликт²⁴, но необходимо сказать, что разрушителем того, что Петру удалось создать, Алексей стать не мог. В середине 1710-х годов он был тесно связан с людьми, которые отнюдь не были заинтересованы в возвращении старомосковского быта. И даже если предположить, что царевич и в самом деле решил бы вернуть страну на два десятилетия назад, ему не позволили бы это сделать. И главной силой, которая встала бы на пути контрреформ, была бы гвардия. Речь шла не о разрушении, а об изменении темпа реформ и сокращении экспансионистской энергии. Е. В. Анисимов совершенно справедливо предположил: «...По-видимому, царевич придя к власти, намеревался свернуть активную имперскую политику отца, ставшую столь очевидной именно к концу Северной войны. Не исключено также, что устами царевича говорила политическая оппозиция, загнанная Петром в глубокое подполье...»²⁵.

Это была та политическая оппозиция, которая вышла из подполья в момент междоусобицы января 1730 года и попыталась ограничить самодержавие подобием конституционного акта. Шереметева уже не было в живых, но лидерами этой отчаянной попытки стали фигурировавшие в «деле» Алексея князь Дмитрий Михайлович Голицын, поддержанный своим младшим братом, блестящим петровским полководцем фельдмаршалом князем Михаилом Михайловичем, и князь Василий Владимирович Долгоруков, к 1730 году уже возвращенный из ссылки и получивший чин фельдмаршала. В роковом январе они обладали решающими голосами в Верховном тайном совете, осуществлявшем государственную власть. Именно эти люди и подобные им, как, например, строитель кораблей, человек европейской выучки Александр Кикин, а вовсе не «длинные бороды», о которых толковал царь, были реальной, хотя и скрытой оппозицией, ориентированной на Алексея.

Пушкин писал о народной любви к царевичу.

Суть ситуации точно сформулировал П. Д. Милюков: «Царевич Алексей был тем идейным центром, в котором соединилась народная оппозиция с аристократической»²⁶.

Желание «рассыпать сокрушительные удары» (по выражению Милюкова), несомненно, часто овладевало Петром. Недаром он с пониманием воспринимал практику Ивана Грозного. Показательно, что не только сам Петр сопоставлял себя с Иваном Грозным и отзывался о нем с одобрением, но и в сознании европейцев, с некоторой дистанции рассматривавших эпоху и деяния первого императора, их имена тоже сопрягаются.

В сороковые годы XVIII века датчанин Педер фон Хавен, магистр философии, посетил Российскую империю и написал обширное сочинение «Путешествие в Россию». Это один из наиболее подробных и ценных источников, посвященных царствованию Анны Иоанновны. Но магистра увлекали ретроспекции, и он пытался не просто рассказать о событиях в России, но очертить характер населяющего ее народа: «...Я делаю вывод, что те, кто назвал этот народ бунтарским, наверняка не знали его как следует. <...> Этим убеждениям не противоречит мятеж, который вспыхнул против царя Ивана Васильевича (? – Я. Г.), как и бунты, которые позднее были связаны с Лжедмитриями. Иван Васильевич был такой же государь, как император Петр, судя по тому, как этот последний лично свидетельствовал перед датским посланником Вестфаленом и ганноверским – Зебером. А именно, когда он встретил их в саду читающими хронику упомянутого Ивана Васильевича и дискутирующими по ее поводу, он молвил при этом, что различия здесь лишь во времени, в котором жил один и живет другой. Но именно этого различия было достаточно, чтобы сделать последнего одним из величайших реформаторов, когда-либо появлявшихся в мире, а первого тираном в представлении его подданных. <...> Стрелецкий мятеж против императора Петра Первого также нельзя вменить в вину всему народу,

²⁴ Об этом см.: Гордин Я. Меж рабством и свободой. СПб., 2015.

²⁵ Анисимов Е. В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 442.

²⁶ Милюков П. Д. 77. 77 Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 1. С. 181.

поскольку прежде всего следует обозначить разницу между такого рода воинами (а точнее, в то время бандой разбойников) и населением страны или регулярной армией. Тот мятеж, как господин Перри пишет в своей книге *Etat de la Grande Russie (present)*; p. 92²⁷, нельзя приписывать русским, но – татарам и калмыкам, которые не были еще привычны сгибать шею под ярмом, и любого рода перемены представлялись им как новые неслыханные религиозные догмы»²⁸.

Тут важны два момента. Во-первых, как уже говорилось, благожелательное сопоставление Петром себя с Иваном Грозным. А во-вторых, менее двадцати лет прошло со смерти Петра, а история его царствования уже обрастает довольно нелепыми мифами даже под пером добро-совестных мемуаристов. Стрельцы становятся бандой разбойников, каковой при всех их бесчестиях они не являлись. А стрелецкий мятеж оказывается бунтом свободолюбивых татар и калмыков. Разумеется, фон Хавен очень вольно перетолковывает свидетельство Перри.

Капитан Джон Перри приехал в Россию в том самом кровавом 1698 году и служил здесь порядка шестнадцати лет. И кто выступал против Петра, ему было прекрасно известно. Далее фон Хавен предлагает нам картину, имеющую с реальностью мало общего: «... Если не принимать в расчет господ, которые были казнены за свою бесчестность в денежных делах или за другие значительные дела, то количество тех, кого по праву можно назвать мятежниками, будет весьма небольшим»²⁹.

Повторим, прошло менее двадцати лет, а из сознания европейцев, искренне старавшихся воспроизвести петровскую эпоху, уже изгладились и астраханский, и булавинский мятежи, и такая форма сопротивления, как массовое бегство крестьян из центральной России. Началась искренняя идеализация эпохи костоломного переворота в жизни огромной страны...

Свирепая расправа с собственным сыном, как и в свое время массовые казни стрельцов, свидетельствовала об осознании Петром масштабов недовольства. Но в какой-то момент Петр понял характер реальной оппозиции и нецелесообразность углубления розыска. Нужно было или репрессировать немалое число своих соратников, или делать выводы из этого массового недовольства и корректировать характер преобразований. Петр, при всей его решительности, не сделал ни того, ни другого. Кикин умер страшной смертью на колесе, князь Долгорукий был в кандалах отправлен в ссылку. Больше из крупных персон не пострадал никто. И реформы шли своим чередом. Податная реформа резко увеличила доходы государства, но истощала страну. В инструкции офицерам, которые осуществляли взимание налогов, говорилось: «Которые души в сказках были написаны, а после того померли, таковых из той переписи никого не выключать». То есть живые, в число которых входили родившиеся перед переписью младенцы, должны были платить за мертвых.

Содержание внушительной по европейским масштабам армии, строительство флота, вмешательство в европейские дела, попытки продвижения на Восток – все это требовало колоссальных средств.

Декабрист генерал М. А. Фонвизин, глубокий мыслитель и образованный историк, размышлял в сибирской ссылке: «Гениальный царь не столько обратил внимание на внутреннее благосостояние народа, сколько на развитие исполинского могущества своей империи. В этом он точно преуспел, приуготовив ей огромное значение, которое приобрела Россия в политической системе Европы. Но русский народ сделался ли от того счастливее?»³⁰

«Дело» царевича Алексея, повторим, было одним из центральных событий петровской эпохи, вскрывшим ее тяжкие внутренние противоречия и, безусловно, потрясшим Петра.

²⁷ «Настоящее состояние Великой России». С. 92 (франц.).

²⁸ Хавен 77. фон. Путешествие в Россию / Пер. с дат., вступл., коммент. В. Е. Возгрина. СПб., 2007. С. 135.

²⁹ Там же. С. 135.

³⁰ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 114.

«Дело» царевича Алексея приводит нас к еще одной из проблем эпохи преобразований – проблеме соратников демиурга, исполнителей его неукротимой воли.

Состав деятельного окружения Петра был изначально неоднороден. Смерть в канун Северной войны генерала Гордона была, можно сказать, стратегической утратой. Опытный генерал де Кроа, из аристократического нидерландского рода, которому Петр перед Нарвской битвой буквально навязал командование плохо подготовленной русской армией, спасся в шведском плену от ярости русских солдат, обозленных разгромом. Не менее опытный военный профессионал фельдмаршал Огильви, разработавший рациональный план реорганизации русской армии и некоторое время (в 1704–1706 годах) ею командовавший, был отправлен в отставку из-за постоянных столкновений с ревнующим Меншиковым.

После увольнения Огильви иностранцы, за некоторым исключением (например, Яков Брюс, родившийся в Москве шотландец, талантливый артиллерийский генерал), занимали в русской армии второстепенные посты. Вперед выдвинулись набиравшие военного опыта отечественные генералы – Шереметев, князь М. М. Голицын, князь В. В. Долгоруков, князь Репнин и, конечно, Меншиков, одаренный не только храбростью, но и несомненным тактическим чутьем.

Но не генералы играли первые роли в строительстве империи. Кроме Меншикова, из действующих военачальников никто не входил в ближний круг Петра.

Своеобразие отношений в этом ближнем круге замечали иностранные наблюдатели еще в конце 1690-х годов. Так де ла Нёвилль от характеристики самого Петра сразу переходит к его соратникам: «Царь Петр (он очень высок ростом, хорошо сложен, красив лицом. Глаза у него достаточно велики, но такие блуждающие, что тяжело в них смотреть, голова все время трясется) развлекается, ставляя своих фаворитов; они часто убивают друг друга, чтобы не потерять милости»³¹.

Упомянутые убийства – это, разумеется, фантазии француза, но родились они явно не на пустом месте. О буйных нравах в окружении царя сохранилось достаточно свидетельств.

С. М. Соловьев, безусловный апологет Петра в своей грандиозной «Истории России с древнейших времен», наряду с этим строго академическим исследованием предлагал публике свое представление о чисто человеческой стороне событий. В популярном очерке «Птенцы Петра Великого» он писал о «выдвиженцах» царя: «Это была необыкновенно сильная природа; но мы уже говорили, как становится страшно перед сильными природами в обществе, подобном нашему в XVII и XVIII веке; все эти силы, для которых общество выработало там мало сдержек; в обществе подобного рода, как в широком степном пространстве, где нет определенных, искусственно проложенных дорог, каждый может раскатываться во всех направлениях. Везде один и тот же закон: сила неостановленная будет развиваться до бесконечности, ненарушенная – будет идти вкривь и вкось... У Меншикова и его сотоварищей была страшная сила, потому они и оставили свои имена в истории; но где они могли найти поддержку своим силам? В силе сильнейшего? Этой силы было недостаточно: лучшее доказательство тому, что этот сильнейший должен был употреблять палку для сдерживания своих сподвижников, а употребление палки – лучшее доказательство слабости того, кто ее употребляет, лучшее доказательство слабости общества, где она употребляется. Силен был, кажется, Петр Великий лично, силен и неограниченной властью своею, а между тем мы видели, как он был слаб, как не мог достигнуть самых благодетельных целей своих, ибо не может быть крепкой власти в слабом, незрелом обществе; власть вырастает из общества и крепка, если держится на твердом основании, на рыхлой почве, на болоте ничего утвердить нельзя»³².

³¹ Нёвилль Ф. де ла. Записки о Московии. М., 1996. С. 169.

³² Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1990. С. 667.

Пришел момент, когда русские историки задумались над нравственной природой петровских преобразований, об их моральной органичности.

В. О. Ключевский, ученик, но и оппонент С. М. Соловьева, предлагал свое объяснение особенности этой «природы»: «Реформа вместе со старым платьем сняла с них и сросшиеся с этим платьем старые обычаи, вывела их из чопорно-строгого древнерусского чина жизни. Такая эмансипация была для них большим нравственным несчастьем, потому что этот чин все же несколько сдерживал их дурные наклонности, теперь они проявили беспримерную разнузданность»³³.

Мысль Ключевского может быть справедлива по отношению к русским сподвижникам Петра. Но как быть, скажем, с П. И. Ягужинским и А. И. Остерманом? Наблюдениями двух великих историков проблема, увы, не исчерпывается.

Требуем объяснения не только разнузданность бытового поведения «птенцов», примеры которого читатель найдет в свидетельствах мемуаристов и авторов дневников, но и беспримерная коррумпированность строителей нового государства, с которой царь боролся сколь безжалостно, столь и безуспешно.

В дневнике камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца читатель обнаружит страшные сцены казней сибирского губернатора князя Гагарина, уличенного в казнокрадстве, и обер-фискала Нестерова, призванного быть блюстителем государственного интереса и оказавшегося бессовестным мздоимцем.

Очевидно, дело было не просто в незрелости русского общества и личных качествах «птенцов». Дело было и в характере той системы, которую они строили вместе со своим властелином.

Система, работавшая прежде всего на военную мощь и ради этого безжалостно эксплуатировавшая страну, формировала безжалостную же прагматику и в отношении к миру вообще, к конкретному человеку, и – горький парадокс! – к самой системе тоже. Строители не воспринимали возводимое здание как нечто органично свое. Отсюда и безудержное казнокрадство, приводившее Петра в отчаяние. Самый верный и близкий ему человек – Меншиков – только по причине своих и в самом деле огромных заслуг и благодаря заступничеству Екатерины избежал смерти на плахе.

Создатель великой империи, победитель сильнейшей в Европе армии оказался бессилён против собственного детища – системы. И к концу жизни был фигурой, безусловно, трагической.

Существовала и проблема «низовой» коррупции, связанная с укоренившейся и фактически узаконенной традицией. Это явление подробно рассматривает Е. В. Анисимов в монографии «Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого»: «...Здесь мы сталкиваемся с довольно сложным явлением, которое некоторые исследователи попросту называют взяткой, внося его в число пороков приказной системы. Между тем не всегда получение денег или подарков от челобитчиков за приказную работу (при условии, если она не была сопряжена с нарушением законов) рассматривалась в XVII – начале XVIII в. как взятка – должностное преступление, а являлась нормой, нередко основным источником пропитания приказного. <... > Нет сомнения, что „подкормки“ от челобитчиков составляли большую часть доходов подьячего. Подсчеты показывают, что подьячий П. Трофимов из Артиллерийского приказа в 1708 году получал до тысячи рублей от челобитчиков, а от государя ему полагалось жалований всего 30 руб. в год»³⁴.

В тяжелые моменты Северной войны государство вообще прекращало выплату жалования чиновникам. И традиция «подкормки» естественным образом перетекла из приказной

³³ Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 232.

³⁴ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 84.

системы в систему коллегий, а позже министерств, департаментов и любых государственных структур.

У Ключевского, исследователя сурового и скептического, было отнюдь не простое отношение к Петру. Поучительно наблюдать, как историк – и здесь он напоминает Пушкина – нашупывал необходимое равновесие в подходе и к самому царю, и к его деяниям.

В не публиковавшихся при его жизни заметках Ключевский саркастически писал: «Перождение умов посредством штанов и кафтанов». Или: «Реформа Петра вытягивала из народа силы и средства для борьбы господствующего класса с народом». О военной реформе: «Регулярная армия, оторванная от народа, стала послушным орудием против него, а внешняя политика, опираясь на нее, создавала престиж власти, который еще больше подменял идею государства народного династией и полицией». О результатах внешней политики: «Из большого и пренебрегаемого полуазиатского государства Петр сделал европейскую державу, ставшую еще больше прежнего, но больше прежнего и ненавидимую. Он лучше обеспечил внешнюю безопасность этого государства, но усилил международный страх к нему, международную злобу против страны». Однако с другой стороны, Ключевский записал и подчеркнул красным карандашом: «Петр I. Он действовал как древнерусский царь-самодур; но в нем впервые блеснула идея народного блага, после него погасшая надолго, очень надолго»³⁵.

«...Блеснула идея народного блага...»

Тем более стоит прислушаться к мнению историка, стремившегося вникнуть в трагедию первого российского императора: «Можно представить себе душевно состояние Петра, когда, свалив с плеч шведскую войну, он на досуге стал заглядывать в будущее своей империи. Усталый, опускаясь со дня на день от болезни и от сознания своей небывалой славы и заслуженного величия, Петр видел вокруг себя пустыню, а свое дело на воздухе и не находил для престола надежного лица, а для реформы надежной опоры ни в сотрудниках, которым знал цену, ни в основных законах, которых не существовало ни в самом народе, у которого отнята была вековая форма выражения своей воли, земский собор, а вместе с ним и сама воля. Петр остался с глазу на глаз со своей безграничной властью...»³⁶

Ключевский не прав относительно досуга. На следующий год после заключения триумфального Ништадтского мира, закрепившего за Россией приобретенные в ходе Северной войны территории, Петр начинает тяжелый Персидский поход. Он не давал себе передышки. Возможно, именно потому, что, осознав невозможность воплощения любимой утопии, он занимался тем, что ему, как правило, удавалось – войной.

Азовские походы, несмотря на победоносное завершение, решили весьма ограниченную задачу. До первого столкновения с еще мощной Османской империей было далеко. Петр ощущал потребность в широком европейском опыте, отсюда и Великое посольство, некоторые эпизоды которого представлены читателю.

Гигантское полотно Северной войны предстает основным фоном петровских деяний. Именно война, которую он начал, определила темп стремительных радикальных преобразований, когда действия обгоняли замыслы. Петру, оказавшемуся перед лицом смертельной угрозы со стороны одной из сильнейших европейских держав, выдвинувшей полководца, уже приобретающего репутацию непобедимого, необходимо было срочно создать структуры, позволяющие обеспечить постоянно растущую армию. Для войны требовались не только штыки, сабли и пушечные стволы, но и хозяйственный механизм, и механизм управления государством – в ситуации, когда меняющаяся по воле противника обстановка требовала немедленной реакции. Существующие механизмы такой возможности не обеспечивали.

³⁵ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 392–394.

³⁶ Ключевский В. О. Соч. Т. 4. С. 238.

Обстоятельства, при которых было принято решение о начале войны – роковое решение, – не совсем понятны. Петру ли, с его устремлением на юго-восток, принадлежал решающий шаг?

Читатель познакомится с небольшим фрагментом воспоминаний Яна-Станислава Яблоновского, который, будучи в 1698 году юным сыном крупного польского вельможи, оказался свидетелем встречи Петра, возвращающегося в Россию, с королем польским и курфюрстом саксонским Августом. Яблоновский свидетельствует, что на этой встрече царь и король заключили секретное соглашение о совместной войне против Швеции. Петр, возвращавшийся в Москву раньше намеченного срока, крайне обеспокоенный известиями о мятеже стрелецких полков, вряд ли обдумывал столь масштабные военные планы. А вот у Августа были свои стратегические интересы. Чтобы упрочить положение на польском престоле, он мечтал вернуть под власть польской короны Лифляндию, некогда отторгнутую Швецией. Недаром Северная война – еще до официального объявления – началась с попытки Августа захватить Ригу, «столицу» Лифляндии, опередить Петра и закрепить за собой эту территорию.

Мы не будем здесь останавливаться на сложнейшей военно-политической игре европейских держав в этот период, одной из составляющих которой был антишведский союз России, Польши (соответственно и Саксонии) и Датского королевства.

Инициатива Августа оказалась важна. Но Петр отнюдь не был марионеткой в руках этого европейского монарха. Он трезво осознал те выгоды, которые Россия может извлечь из предлагаемого союза. Классический довод, приводимый историками – необходимость выхода к морю, – был глубоко осмысленным.

Нельзя сказать, что Россия вообще не имела этого выхода. Из Архангельска через Белое море велась издавна активная торговля и с англичанами, и с голландцами. Но, конечно же, порт на Балтике давал куда большие возможности.

Петр вряд ли ожидал, что война будет такой долгой, тяжелой и изнурительной. Ключевский с едкой точностью предположил: «Петр сунулся в эту войну, как неопит, думая, что он все понимает»³⁷.

Замысел, возникший в 1698 году и окончательно сформировавшийся в 1699-м, определил ход российской истории на столетия вперед.

Но осознав реальное положение вещей, Петр продемонстрировал всю мощь своей натуры, оказавшись не только талантливым и

находчивым организатором, но и крупным стратегом. Неопит неопитом, но именно как стратег он, безусловно, переиграл Карла XII. Воспользовавшись тем, что шведский король отправился со своей победоносной армией громить саксонские войска и грабить Саксонию, чтобы вывести из войны Августа и передать польский престол своему ставленнику, Петр методично завоевывал прибалтийские земли и Ингрию, реформировал армию, давал ей возможность набраться боевого опыта. А когда Карл, спохватившись, вернулся на российский театр военных действий и катастрофически растянул свои коммуникации, Петр сделал все, чтобы лишить его возможности получить подкрепления, провиант и боеприпасы. Разгром под Лесной корпуса Левенгаупта поставил шведскую армию в критическое положение. К решающей битве под Полтавой Карл пришел с изнуренной армией и фактически без артиллерии – кончились заряды.

Но дело было не только в этом. Под Полтавой Петр проявил себя как блестящий тактик, выбрав пространство действия и расположив русскую армию таким образом, что у шведов не осталось шансов на благополучный для них исход сражения.

³⁷ Ключевский В. О. Соч. Т. 4. С. 391.

В этот крайне опасный для России период – между первой Нарвой и Полтавой – Петр, вопреки своим утопическим наклонностям, и в военном, и в дипломатическом отношении вел себя как трезвый прагматик.

Из донесений Уитворта следует, что Петр настойчиво искал среди европейских монархов посредников, через которых можно было бы завязать мирные переговоры с Карлом. Он безрезультатно пытался вовлечь в этот процесс английскую королеву Анну. Прусский король, на которого Петр в какой-то момент надеялся, по сути дела, предал его. Карл, когда до него доходили сведения о мирных предложениях русского царя, или пренебрежительно от них отмахивался, или выдвигал заведомо неприемлемые условия. При том что Петр, понимая, как тяжело для страны бремя постоянных военных действий, готов был идти на уступки. Непременным его условием было сохранение устья Невы и Петербурга и отказ от контрибуции, которую требовал Карл.

Когда Петр считал нужным, он, ведя дипломатическую игру, мог убедительно опровергать невыгодные в этот момент слухи о своих истинных намерениях. Так 16 мая 1705 года тот же Уитворт доносил в Лондон: «...Граф Головин упомянул о стараниях шведских министров представить успехи царя и его планы относительно Балтийского моря опасными и вредными для Англии, Голландии и Пруссии; представления эти, по мнению русского правительства, уже повредили его отношениям с помянутыми государствами, что особенно сказалось при берлинском договоре. Поэтому графу приказано заявить, что царь готов дать ее величеству самые положительные уверения в своей решимости никогда не стремиться к развитию флота, к постройке больших военных кораблей на балтийских водах; ему нужно только с этой стороны отворить дверь торговле с Россией и возратить область, несправедливо отторгнутую у его предков в мирное время»³⁸.

Но как только положение его упрочилось, Петр, как мы знаем, стал со свойственной ему бурной энергией именно «стремиться к развитию флота, к постройке больших военных кораблей» на Балтике, невзирая на недовольство Англии.

Будучи трезвым прагматиком в конкретных ситуациях, первый император в общем своем гигантском замысле оставался утопистом. Он проделал работу, соответствующую масштабам его замысла. Он принципиально реорганизовал всю систему управления государством. Он создал лучшую в тот период в Европе армию. Он создал эффективный карательный аппарат. Он, как уже говорилось, создал новую безжалостную налоговую систему. Он дал мощный толчок развитию промышленности, правда, под жестким контролем государства и при фактическом бесправии перед властью, как перед «сильными персонами» типа Меншикова, так и разного рода средней руки чиновниками.

При этом указом от 1 июня 1722 года император повелел, чтобы в государстве больше не было «вольных государевых гулящих людей». Все свободные люди, работавшие по найму, этот мощный резерв для развития свободной экономики, стали либо крепостными рабами, либо солдатами. Что резко искажало экономическую перспективу, не говоря уже о социально-психологической атмосфере в стране. В «Исторических замечаниях» 1822 года Пушкин идеально охарактеризовал ситуацию: «История представляет около него всеобщее рабство <...>. Все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою». Подати за крестьянина теперь должен был платить его владелец. Этим прервалась последняя связь крестьянина с государством. Начался опасный процесс отчуждения от государства массы населения.

В то же время Петр по-настоящему открыл для русских людей европейскую культуру. Но уже цитированный нами М. А. Фонвизин писал: «Если Петр старался вводить в России европейскую цивилизацию, то его прельщала более ее внешняя сторона. Дух же этой цивилизации – дух законной свободы и гражданственности – был ему, деспоту, чужд и даже противен. Мечтая

³⁸ Сборник императорского русского исторического общества. С. 92.

перевоспитать своих подданных, он не думал вдохнуть в них высокое чувство человеческого достоинства, без которого нет ни истинной нравственности, ни добродетели. Ему нужны были орудия для материальных улучшений по образцам, виденным им за границей...»³⁹

Чувство человеческого достоинства тем не менее пробуждалось в русских людях как результат деятельности Петра помимо его желания. Оно даст о себе знать через пять лет после смерти императора в 1730 году, когда соратники Петра, замешанные в «дело» царевича Алексея, попытаются ограничить самодержавие и обеспечить права личности не только для дворянства, но и для подобию третьего сословия.

Декабристы, для которых чувство собственного достоинства и желание распространить необходимые права на все население России оказалось одним из главных побудительных мотивов к действию, были одновременно и противниками петровской государственной модели, и порождением его преобразований.

Результаты титанической работы Петра были многообразны и парадоксальны. Великий царь – воистину великий по масштабу замыслов и усилиям, вложенным в осуществление этих замыслов, не говоря уже о великих жертвах, которые принесла страна на алтарь этих преобразований, – был безгранично предан своей ведущей идее – построению на вулканической почве России «регулярного», устойчивого государства. Он желал общего блага, как он его понимал. Но темп и методы неудержимо искажали суть этого грандиозного замысла. Самовластие и бесчеловечность оказались опасными инструментами. Метод определял результат. Построенная императором государственная машина двигалась от кризиса к кризису. Могучая империя через триумфальные победы и горькие поражения, через периоды народного единства и свирепые мятежи, провоцировавшие не менее свирепые подавления, через периоды экономического подъема и политического застоя двигалась к катастрофе 1917 года...

Преобразования Петра Великого ставят перед нами целую череду трудно разрешимых вопросов.

Что реально угрожало в конце XVII века Московскому государству – угрожало настолько, что требовались немедленные костоломные реформы? Насколько необходим был именно такой темп и метод реформ? Почему неискоренимы оказались пороки военно-бюрократической системы, созданной сокрушительной волей первого императора? Об этом задумывались лучшие умы России.

Еще предстоит подробный анализ эволюции взглядов Пушкина на деяния первого российского императора на обширном пространстве его незаконченной «Истории Петра».

Еще предстоит анализ эволюции взглядов Льва Толстого на деяния и личность Петра. 2 апреля 1870 года он занес в записную книжку: «Петр, т. е время Петра, сделало великое необходимое дело...» А до этого он говорил в феврале того же года Софье Андреевне: «Он был орудием своего времени <...>, ему самому было мучительно, но он судьбою назначен был ввести Россию в сношения с европейским миром». И в конце 1880-х годов: «пьяный сыноубийца», «Беснующийся, пьяный <...> зверь четверть столетия губит людей...» Что привело Толстого к этому яростному отрицанию своих сравнительно недавних представлений о Петре?

Отношение к петровским преобразованиям Ф. М. Достоевского заслуживает отдельного исследования. Имя Петра проходит сквозь всю его публицистику. В данном случае будет только намечен подход Достоевского к личности Петра и его деятельности.

В дневниковой записи от 8 октября 1866 года Анна Григорьевна Достоевская среди прочего сообщает: «... Бранил он (Достоевский. – Я. Г.) Петра Великого, которого просто считал своим врагом – и теперь винил его в том, что он ввел иностранные обычаи и истребил народность»⁴⁰.

³⁹ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. С. 114.

⁴⁰ Литературное наследство. М., 1973. Т. 86: Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской. С. 234.

Но за пять лет до этого в введении к циклу статей о русской литературе Достоевский писал: «Петр почувствовал в себе каким-то инстинктом новую силу и угадал потребность расширения взгляда и поля действия для всех русских – потребность, скрытую в них бессознательно и бессознательно вырвавшуюся наружу и которая была в их крови еще со славянских времен. Говорят, что он хотел сделать из России только Голландию? Не знаем; лицо Петра, несмотря на все исторические разъяснения и изыскания последнего времени, до сих пор еще очень для нас загадочно. Мы понимаем только одно: что нужно было быть слишком оригинальным, чтоб, быв московским царем, вздумать – не только полюбить, но даже поехать в Голландию. Неужели же один женевец Лефорт был и в самом деле тому причиною? Во всяком случае в лице Петра мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем уже созрели и сказались новые силы. И страшно, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля! Никогда никто не отрывался так от родной почвы, как приходилось иногда ему, и не поворачивал так круто в другую сторону, вслед за своим убеждением!»⁴¹

Здесь, несомненно, восхищенная интонация. Но в том же 1861 году в первой статье цикла «Книжность и грамотность» Достоевский существенно меняет свой взгляд: «Велик был тот момент русской жизни, когда великая, вполне русская воля Петра решилась разорвать оковы, слишком туго сдавившие наше развитие. В деле Петра (мы уж об этом теперь не спорим) было много истины. Сознательно ли он угадывал общечеловеческое значение русского племени, или бессознательно шел вперед, по одному чувству, стремившему его, но дело в том, что шел он верно. А между тем форма его деятельности, по чрезвычайной резкости своей, может быть, была ошибочна. Форма же, в которую он преобразовал Россию, была, бесспорно, ошибочна. Факт преобразований был верен, но формы его были не русские, не национальные, а нередко и прямо, основным образом противоречащие народному духу.

Народ не мог видеть окончательной цели реформы, да вряд кто-нибудь понимал ее даже из тех, кто пошел за Петром, даже из так называемых „птенцов гнезда Петрова“; они пошли за преобразователем слепо и помогали власти для своих выгод. Если не все, то почти так»⁴².

Естественно, встает вопрос об эволюции и противоречивости взглядов Достоевского на дело Петра. И это понятно – Достоевский был в непрерывном движении.

В 1875 году – в последние годы жизни – Достоевский подвел некий итог своему анализу петровской деятельности.

«Второстепенность и мелочность „взглядов” Петра.

– Флот (для одной Швеции).

– Петербург – перемещение центра грубое.

– Забыл и совсем не понимал идеи веры и православия.

– Народ как податный материал.

– Раскольники (лишь бы платили деньги).

– Чины (обратились в то же дворянство, но только слегка <?> подточенное. Как бы не сознавали, что делали).

– Совершенное отсутствие экономического чутья в идее помещики и все его слуги с уничтожением частных хозяйств и личности. Идея, достойная персидского шаха.

– Развратник и нигилятина. Понятие о чести и шпаге.

– Изверг – сыноубийца»⁴³.

Это заметки из записных тетрадей, сделанные для себя.

⁴¹ Достоевский Ф. М. Поли. собр. худож. произведений: в 13 т. Т. 13. М.-Л., 1930. С. 46.

⁴² Там же. 108.

⁴³ Литературное наследство. М., 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. С. 364.

Последний пассаж вполне совпадает с толстовским: «Пьяный сыноубийца» – «Изверг-сыноубийца».

И дело не в том, насколько справедливы выводы Достоевского. Важно – к чему он в конце концов пришел. И хотя в последующие несколько лет иногда проскальзывают более лояльные отрывочные оценки, но приговор произнесен.

Связь художественных текстов Достоевского с психологическими последствиями петровских преобразований – революции Петра – особая многообещающая тема.

В эпоху Александра I, в предреформенное и пореформенное время, интерес русских писателей к Петру был живым и острым. И принимал на первый взгляд неожиданные формы.

15 сентября 1857 года Салтыков-Щедрин, отнюдь не славянофил, категорически сформулировал свое отношение к первому российскому императору в письме к литератору И. В. Павлову: «Вот ты ругаешь Петра за крепостное состояние и за бюрократию, однако ж и оправдываешь его обстоятельствами времени; а я так и того не делаю, а просто нахожу, что он был величайший самодур своего времени»⁴⁴. Салтыков-Щедрин понимал, как мучительно трудно будет России выламываться из петровской модели.

Тень Петра витала над судьбами лучших представителей русской интеллигенции.

Владимир Сергеевич Печерин – один из самых нетривиальных персонажей в истории русской мысли, талантливый филолог, бежавший из николаевской России, перешедший в католичество и на двадцать лет ставший миссионером и проповедником монашеского Ордена редemptористов, основанного в первой трети XVII века для проповеди слова Божия среди бедных и обездоленных. Разочаровавшись в монашестве, уйдя из Ордена, Печерин, вернувшийся к напряженным размышлениям о судьбе России, писал из Дублина в октябре 1865 года своему племяннику: «Вы, мне кажется, смотрите с мрачной стороны на развитие русского народа. Если народ невежествен и учиться не хочет, то что ж тут делать? Нельзя же насильно его образовывать. Ведь петровская система никуда не годится. Тут надобно иметь терпение. Хорошие доктора, когда видят, что сами не могут помочь больному, оставляют действовать природу»⁴⁵. То есть умудренный своим мучительным жизненным опытом, опытом радикальных решений, Печерин противопоставляет революционности Петра эволюционный метод.

Но деятельность первого императора – именно деятельность, а не результат, что принципиально, – одобряли люди, казалось бы, совершенно по-иному представлявшие себе смысл русской судьбы и пути ее реализации.

Алексей Степанович Хомяков, один из основателей славянофильства, ведущей историко-философской идеей которого была идея саморазвития общества, в своей основополагающей работе «О старом и новом», решительно отрицавшей правомочность вмешательства в процесс саморазвития внешних факторов, тем не менее позже писал: «...Один из могущественнейших умов и едва ли не сильнейшая воля, какие представляет нам летопись народов, был Петр. Как бы строго ни судила его будущая история (и бесспорно, много тяжелых обвинений падает на его память), она признает, что направление, которого он был представителем, не было совершенно неправым; оно сделалось неправым только в своем торжестве, а это торжество было полно и совершенно». И еще более определенно: «Трудно сказать, чего именно хотел Петр и сознавал ли он последствия своего дела. По всем вероятностям, он искал пробуждения русского ума.

Многие из его современников, может быть самые достойные его понимать, не поняли его. Петр вводил к нам европейскую науку; через это он вводил к нам всю жизнь Европы. Таково было необходимое следствие его дела, но в этом отношении он был не бессознателен. Его борьба была с целю несколько закосневшею жизнью, и он боролся с нею во всех ее направ-

⁴⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 14. М., 1972. С. 183.

⁴⁵ Печерин В. С. APOLOGIA PRO VITA MEA. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим. СПб., 2011. С. 72.

лениях. Он вводил все формы Запада, все, даже самые неразумные; он искажал многое, чего не должен был касаться; он искажал прекрасный язык русский, он искажал самое свое благородное имя, коверкая его в голландскую форму Питер; но это было ему необходимо. Он хотел потрясти вековой сон, он хотел пробудить спящую русскую мысль посредством болезненного потрясения. – Этот суд не строг. Человек боролся, и в борьбе разгорелись страсти, и он увлекся тем нетерпением, которое так естественно историческим деятелям, которое так естественно всякому человеку при встрече с препонами в подвиге, который он считает добрым»⁴⁶.

Но характеризуя конечный результат преобразований Петра, Хомяков декларирует: «В России эта ошибка достигла громадных, почти невероятных размеров <...>. Формы, облекающие просвещение, приняты были нами за самое просвещение»⁴⁷.

Позиция европейски образованного и на Европу ориентированного славянофила Хомякова по своей парадоксальности вполне соответствует парадоксальности петровской эпохи. И это характерно для большинства попыток четко оценить «революцию Петра» (по Пушкину. – Я. Г.!), не поддающуюся простой и плоско объективной оценке.

Н. Я. Данилевский, теоретик панславизма, провозгласивший идею особого пути России и считавший, что Европа нам чужда и враждебна, выразительно начертал картину России, какой она стала после петровских преобразований, и постарался дать этим преобразованиям уравновешенную оценку.

В своем знаменитом труде «Россия и Европа» он писал: «Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. Он вместе и любил, и ненавидел ее. Любил он в ней собственную ее силу и мощь, которую не только предчувствовал, но уже сознавал, – любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, да под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни – самую жизнь эту, как с ее недостатками, так и с ее достоинствами. Если бы он не ненавидел ее со всею страстностью своей души, то обходился бы с нею осторожнее, бережливее, любовнее. – Потому в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т. е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства. Как ни тяжелы были для современников его рекрутские наборы (которыми он не только пополнял свои войска, но строил города и населял страны), введенная им безжалостная финансовая система, монополии, усиление крепостного права, одним словом, запряжения всего народа в государственное тягло, – всем этим заслужил он себе имя Великого – имя основателя русского государственного величия. Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что доселе еще разъедает русское народное тело), он даже бесполезно затруднил свое собственное дело: возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу, сам устроил себе препятствия, на поборение которых должен был употребить огромную долю той необыкновенной энергии, которою был одарен и которая, конечно, могла бы быть употреблена с большею пользою. К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставлять курить табак, учреждать попойки (в которых даже пороки и распутство должны были принимать немецкую форму), искажать язык, вводить в жизнь придворную и высшего общества иностранный этикет, менять летосчисление, стеснить свободу духовенства? К чему ставить ино-

⁴⁶ Цит. по: Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / Сост. Н. Л. Бродский. М., 1910. С. 53.

⁴⁷ Там же. С. 54.

странные формы жизни на первое почетное место и тем накладывать на все русское печать низкого и подлого, как говорилось в то время? Неужели это могло укрепить народное сознание? Конечно, одних государственных нововведений было недостаточно: надо было развивать то, что всему дает крепость и силу, т. е. просвещение; но что же имели общего с истинным просвещением все эти искажения народного облика и характера? Просвещение к тому же не насаждается по произволу, как меняется форма одежды или вводится то или другое административное устройство. Его следовало не насаждать извне, а развивать изнутри. Ход его был бы медленнее, зато вернее и плодотворнее»⁴⁸.

Безусловно, можно согласиться с Данилевским относительно темпа и методов преобразований. Но он странным образом не учитывает, что без введения этих внешних форм было бы невозможно и то, что он так решительно одобряет – создание мощной военной державы. Справедливо говоря – и это важно! – о ненависти к старомосковскому быту во всех его ипостасях, Данилевский игнорирует полную психологическую невозможность для радикального преобразователя сохранять то, что ненавидишь. Не воздействуя на стиль поведения и быт служилого слоя, невозможно было бы создать новую армию и управленческий аппарат, то есть то, что, по мнению Данилевского, обеспечивало «государственное величие».

И тут уместно вспомнить горький вопрос генерала Фонвизина: «Стал ли русский народ оттого счастливее?»

Горький смысл этого вопроса становится тем более ясен, что, по мнению авторитетных исследователей, целые блоки петровских реформ, поглотившие в процессе реализации огромные финансовые затраты и человеческие усилия, были фактически ликвидированы вскоре после смерти реформатора как недееспособные. Старая московская система оказалась более живучей, чем представлялась Петру.

Н. П. Павлов-Сильванский писал: «Реформы Петра в области центрального и местного управления, как доказал П. Н. Милюков, тесно связывались с развитием московской Руси, и они уцелели только в той мере, в какой соответствовали требованиям развития; все же остальное, в чем Петр, в увлечении мнимую силою своих повелений, вышел за пределы дозволенного ходом развития, все это было или прямо отменено Меншиковым через год после его смерти, или же под новою скорлупою сохранило старое ядро. Так после смерти Петра I отменена была вся новая, оказавшаяся непомерно сложной и дорогой для страны провинциальная администрация»⁴⁹.

Характерна и, безусловно, полна смысла формула: «В увлечении мнимую силою своих повелений». «Мнимую силою...»

Дело было не только в Меншикове. Решительной ревизией многих нововведений первого императора занялся Верховный тайный совет, в который входили вчерашние соратники Петра, в том числе и замешанные в «деле» царевича Алексея. Этот натиск контрреформ подробно проанализирован в уже цитированной монографии Е. В. Анисимова «Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого». Проблемой контрреформ занималась целая плеяда историков – П. Н. Милюков, М. М. Богословский, А. А. Кизеветтер, Н. П. Павлов-Сильванский.

Можно сказать, что Е. В. Анисимов в названном исследовании подвел итог этому многолетнему процессу.

О Петре напряженно думали русские мыслители, оказавшиеся в эмиграции и пытавшиеся разрешить «загадку русской революции».

В 1946 году Бердяев писал: «Необычайный, взрывчатый динамизм русского народа обнаружился лишь от соприкосновения с Западом и после реформы Петра. Герцен говорил, что на

⁴⁸ Данилевский Н. Л. Россия и Европа. СПб., 1895. С. 285.

⁴⁹ Павлов-Сильванский Н. 77. Феодализм в России. М., 1988. С. 145.

реформу Петра русский народ ответил явлением Пушкина. Мы прибавим: не только Пушкина, но и самих славянофилов (отрицавших реформу Петра), но и Достоевского, и Л. Толстого, но и искателей правды, но и возникновением оригинальной русской мысли»⁵⁰.

Но в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев утверждал: «Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации. Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнул Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народным и верхним культурным и правящим слоем. Петр секуляризировал православное царство...»⁵¹

Бердяев писал это в середине 1930-х годов. А приблизительно в то же время – в 1934 году – И. А. Ильин выступил с лекцией «Творческая идея нашего будущего» в Риге, Берлине, Белграде и Праге, которую опубликовал в 1937 году, когда состоялась первая публикация сочинения Бердяева (на английском языке). Но подход к петровским преобразованиям у Ильина принципиально иной.

Он говорил: «От Феодосия Печерского до Сергия, Гермогена и Серафима Саровского; от Мономаха до Петра Великого и до Суворова, Столыпина и Врангеля <...> – вся история России есть победа русского духовного характера над трудностями, опасностями и врагами. Так было. Так и еще будет и впредь»⁵².

То, что для Бердяева насилие над народной душой, то для Ильина «победа русского духовного характера».

Спокойно-мудрый Г. П. Федотов в страшном 1918 году, находясь еще в России, в горьком и проникновенном эссе «Лицо России», перечисляя возможные ответы на вопрос «где лицо России?», писал: «В гении Петра и нечеловеческом труде его...»⁵³

Можно было бы множить мнения лучших русских умов, но и приведенного достаточно, чтобы понять – сколь сложна объективная оценка того, что произошло с Россией волею первого императора. При этом надо иметь в виду, что и Пушкин, и Толстой, и Достоевский, и Бердяев, и Ильин, и Федотов, мучительно размышлявшие над судьбой страны, были абсолютно искренни – как в своих оценках, так и в перемене позиции.

Тексты, вошедшие в этот том, подобраны по схожему принципу. Их авторам не было нужды кривить душой. Они пытались воссоздать российскую жизнь такой, какой она им представлялась. И потому она приобретает яркие и, насколько это возможно, объективные черты.

Это относится и к личности главного героя.

Воссозданная этими текстами историческая картина, надеемся, даст читателю богатый материал для размышлений о судьбе нашего Отечества и возможность сделать собственные выводы.

При публикации материалов, вошедших в этот том, мы придерживались позиции, предложенной Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским, справедливо заметившим в одной из совмест-

⁵⁰ Бердяев Н. А. Русская идея // Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Париж, 1946. С. 8.

⁵¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 12.

⁵² Цит. По: Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение. Нью-Йорк, 1989. С. 44.

⁵³ Федотов Г. 77. Лицо России. Париж, 1988. С. 51.

ных работ, что издание произведений XVIII века «требуется в каждом отдельном случае поисков оптимальных именно для данного текста решений»⁵⁴.

Так в текстах Б. И. Куракина и И. А. Желябужского были сохранены все особенности авторского написания (по нормам старой орфографии и в некоторых случаях пунктуации), так как это позволяет сохранить авторскую манеру и передать дух эпохи.

В тех случаях, когда это затрудняло бы восприятие написанного, орфография дана по современным правилам; частично проведена унификация написания.

В переводных текстах орфография и пунктуация также даны по современным нормам, но лексика по возможности соответствует времени создания текстов.

Многоточием в угловых скобках показаны опущенные фрагменты текстов, а также в угловых скобках приведены необходимые пояснения (как прежних издателей, так и составителя). В квадратных скобках восстановлены смысловые пропуски и сокращения (прежде всего там, где это необходимо для понимания текста; в случае если по контексту смысл написанного ясен, сокращения не раскрываются), многоточием в квадратных скобках показаны пропуски в оригинале.

Знаком сноски (арабскими цифрами) в каждом материале обозначены номера примечаний, расположенных в конце настоящего издания.

⁵⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Текстологические принципы издания // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 524.

Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682–1694 гг Б. И. Куракин

Князь Борис Иванович Куракин (1676–1727) как личность был уникальным порождением петровской эпохи. Человек европейской культуры, получивший образование в Италии, он с глубоким уважением относился к культуре и традициям старины. Разумеется, в этом отношении он был не одинок. Нечто подобное можно сказать о князе Дмитрие Михайловиче Голицыне, авторе конституционного проекта 1730 года. Но особость эпохи, формировавшей таких людей, в князе Борисе Ивановиче выразилась особенно ярко.

Аристократ, потомок двух древних родов – князей Куракиных и князей Одоевских, – свояк Петра I, женатый на Ксении Лопухиной, сестре первой жены царя Евдокии, он и вырос рядом с Петром в Преображенском, где после кровавого мятежа стрельцов в 1682 году жила вдовствующая царица Наталья Кирилловна с сыном и близкими людьми.

Родившийся в 1676 году, будучи на четыре года младше Петра, он прошел рядом с юным царем все этапы до приобретения Петром абсолютной власти. В частности, с самого начала служил в потешных войсках, превратившихся в мощную боевую силу – петровскую гвардию. Его военная карьера связана была с Семеновским полком. Болезненный юноша, он тем не менее проявлял незаурядную храбрость. В автобиографическом сочинении «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная» он рассказывал о своем участии в отчаянной контратаке во время первого Азовского похода: «...И я со знаменем белым был, от первой роты своего regimenta, на которой вылазке в бою, аж до самого вечера, то у меня в руках знамя пробили с города два раза из пушки, и мне кафтан под левую пазуху прострелили и рубаишку, только что мало тела не захватили».

В Полтавской битве князь Борис Иванович командовал Семеновским полком. Но Петр разглядел в нем иные таланты. Князь Куракин стал одним из лучших русских дипломатов своего времени, чья деятельность была высоко профессиональной и эффективной. С 1711 года и до конца жизни он представлял Россию в ключевых европейских странах – в Англии, Голландии, Франции. И умер в 1727 году в Париже.

Он обладал несомненным литературным дарованием и много писал. Свое жизнеописание он начал так: «Принужден был совестью своею всегда описать то выявленное...» Но главным его замыслом была русская история с древних времен до петровского царствования включительно. Эту задачу он определил себе в том же описании, сочиненном в 1705 году. Свидетельствовать о виденном он считал неперменным долгом. По разным причинам им была выполнена лишь небольшая часть этого грандиозного замысла, осуществлять который он начал только в последние годы жизни. Но «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682–1694 гг.», несмотря на ограниченный временной охват, оказалась драгоценным источником для понимания не только и не столько фактической стороны дела, сколько для осознания человеческой драмы верного сподвижника царя – преобразователя, понимавшего необходимость реформ, но в глубине души не принимающего его самовластный стиль и безжалостную ломку вековой традиции.

«Гистория» – сочинение бесстрашно правдивое. И главная ценность его в том, что в нем сквозит боль и горечь истинного патриота. Боль и горечь, которых не могло быть и не было в мемуарах даже самых осведомленных и наблюдательных иностранцев.

Публикуется по изданию: Архив князя Ф. А. Куракина.
Кн. 1 / Под ред. М. И. Семеvского. СПб., 1890.

1727 г. 7/18 майя

В помощи Вышняго и в надеянии Его святой милости продолжение веку моего и во исцеление от моей болезни, начинаю сей увраж <сочинение, труд (ouvrage – *франц.*), давно от меня намеренной, в пользу моего отечества, Всероссийской империи и в угодность публичную, прося Вышняго, дабы благословил мне, по моему желанию, ко окончанию [сей увраж] привести.

Понеже Российская империя от давняго времени славу свою имеет, как чрез дела военные, так и чрез распростра[не]ние великое своих земель; славу же свою издревле так имела, что народ славянороссийской оттого свое имя восприял и назван славянороссийской народ, то есть от славных своих дел военных.

Но донныне еще справедливаго описания гистории о сей империи не явилось, того ради понужден сей увраж учинить – гисторию о сей империи, собрав из многих рукописанных ведомостей так пространно, сколько мог быть в состоянии собрать, присовокупля при том о всех делах политических всего царствования Петра Великаго, императора Всероссийскаго, также и о всей войне противу Швеции, начатой [в] 1700 году; также и о всех негоциациях <переговорах> с другими потенциями <возможностями>, а особливо которыя происходили чрез меня во всю мою бытность в посольствах при чужестранных дворах, начав с 1707 году, первой моей комиссии при дворе римском и по се число последующих, как при республике Венецкой, при дворе цесарском¹ с вольном городом Гамбурхом, при дворе курфистра гановерскаго, при дворе агленском, при Статах генеральных седми провинций², при дворе прусском и дацском, при дворе французском.

И разделяю сей мой увраж на части для лутчего вразумления читателю.

Первая часть – гистория славянороссийской империи, древняя, от начала и по царство Михаила Федоровича, перваго сей царствующей фамилии Романовых.

Вторая – гистория с царства царя Михаила Федоровича и по се число.

Третья часть – особливо о войне с Швецией.

Четвертая часть – о всех придворных интригах, происходящих во время царствования Петра Великаго, понеже я тому сам свидетелем был, и от младенчества лет моих воспитан был при дворе, и всегда неотступно при нем был во всю войну и даже в самую баталию Полтавскую по 1709 год. А потом отлучился от двора отправлением моим ко двору гановерскому и в Англию. И с того числа по се время отлучился [от] двора и, при помощи Вышняго, продолжал мое время в политических делах. Однако ж, хотя и отлучен был, но сколько мог сведом быть, во отбытность мою, о интригах, при дворе происходящих, по самую смерть Петра Великаго и по нем, по се число, не оставлю ж объявить.

Четвертая часть о всех негоциациях, происходящих чрез меня при всех дворах моей комиссии³.

Сей мой увраж начал с помощью Вышняго в слабом моем здоровье, упоая на Его святую милость благополучно ко окончанию в добром здравии привести.

При сем же не хочу оставить и не дать знать читателю, чтоб понимал так, что сия гистория и все описание есть полное о сей империи, понеже все, что мог собрать, и к моему ведению есть, то объявил, и за верное имеет принять.

Но полную гисторию ожидать надобно чрез других, кто в том впредь труд свой также имеет приложить.

Но прошу моего читателя в настоящее время сим удовольствоваться, а на предбудущее от других к своему удовольству ожидать.

7190 году, от Рождества 1682 г., его величество государь царь Федор Алексеевич преселся в вечное блаженство марта месяца [...] ⁴ числа в ночи. И был отягчен болезнями с младенчества своего и особливо скорбутика <цинги> и слабости в ногах, от которой скончался. Всего лет жития его было [20 л. 11 месяц.], всего царствования: [6 л. 3 месяца].

И по обычаю, когда смерть случается коронованной главе или крове их, ударено было в соборной большой колокол трижды для знаку народного.

И тогда ж и на утрое патриарх И[о]аким и вся Палата собрались и все чины знатные и персоны ко двору. И когда патриарх объявил всем о смерти и предложил о избрании на царство из двух братьев царевича Ивана и Петра Алексеевичев – и стало быть несогласие как в боярех, так и [в] площадных: одни – одного, а другие – другога. Однако ж большая часть, как из бояр и из знатных и других площадных, так же и патриарх, явились склонны избрать меньшого царевича Петра Алексеевича. И по многим несогласии того ж дня избрали царем царевича Петра Алексеевича. И в Крестовой, и у Спаса начали крест целовати, также и в соборе и на площади шляхетству и народу <т. е. шляхетство и народ>, а на Красном крыльце гвардии ⁵ стоящей <т. е. гвардия стоящая> того дня.

И того ж времени на Лобном месте в народ об избрании прокламация учинена, и указы посланы были по всем приказам стрелецким и слободам, дабы крест целовали, и по всем приходским церквам памяти <памятки> были разосланы об молении и упоминании церковных прошений. Также по всем провинциям и городам указы были посланы о прокламации новоизбранного государя и целовании креста.

Особливости надлежит объявить: кто партию держал царевича Иоанна Алексеевича и также другую.

И первого партия весьма слаба была, токмо что Милославские Иван Михайлович с родом и некоторые по свойству к ним. А из площадных также некоторые малые. Но [в] партии царевича Петра Алексеевича первой князь Борис Алексеевич Голицын, который был кравчим у умершаго царя Федора Алексеевича. И оной с патриархом И[о]акимом вывел в Крестовую царевича Петра Алексеевича к боярам, и проклемовали Провозглашали (proklamowas – пол.)> и крест стали целовать. Также боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукой с сыном, князем Михайлом Юрьевичем, и весь их род линии Федоровичев Долгоруких. Также князь Григорей Григорьевич Ромодановской и другие многие и[з] знатных и площадных.

И того ж дня послан курьер с указом на Пустоозеро к Артамену Сергеевичу Матвееву, и оттуль из ссылки взят.

Но когда указы по слободам стрелецким явились о том избрании и целовании креста, тогда во многих приказах началось быть замещение, и многие полки креста не похотели целовать, объявляя, что надлежит быть на царстве большому брату.

И так продолжалось несколько недель.

А между тем временем царевна Софья Алексеевна, отца и матери одной с царевичем Иоанном Алексеевичем, а с царевичем Петром Алексеевичем разных матерей, которая партия была брата своего царевича Иоанна Алексеевича <т. е. за; следует читать: «которая за брата своего царевича Иоанна»>, желая его на царство посадить и правление государства в руки свои взять, всячески трудилась в полках стрелецких возмущение учинить. И все те происходили интриги чрез боярина Ивана Милославскаго и двух его держальников Ивана Циклера и Петра Андреева сына Толстова, которые по приказам стрелецким скакали и к бунту склоняли.

Царевна Софья Алексеевна, как была принцесса ума великаго, тотчас взяла правление, а из бояр [власть взял] князь Яков Никитич Одоевской, который все похороны токмо отправлял. Хотя многие бояре, как отец его, князь Никита Иванович Одоевской и другие, но оные все первые бояре увидели интриги царевны Софьи Алексеевны, учинили себя неутральными и смотрели, что произойдет, чая быть от того замешанию великому, что и учинилось.

Месяца 10-го числа⁶ все полки стрелецкие по утру, пред обедом, вооружась с пушки, пришли в кремль ко дворцу на Красное крыльцо и того ж часу почали требовать видеть царевича Иоанна Алексеевича для того, чая, онаго будто в животе <в живых> нет и Нарышкины удушили. И в то ж время начали бить в набат большой и били три дня сряду, кроме ночи.

И того ради прихода стрельцов тотчас призвали патриарха, и всех бояр собрали, и нареченного государя царя Петра Алексеевича и царевича Иоанна Алексеевича вывели на Красное крыльцо для показания стрельцам. При том были царица Наталья Кирилловна, мать царя Петра Алексеевича, и царевна Софья Алексеевна, сестра их, также И[о]аким-патриарх и все бояре, между которыми Артамон Сергеевич Матвеев, которой из ссылки привезен токмо пред тремя днями и вступил в правление, которому с приезду начали двор все делать.

И одна авантюра <приключение (aventure – *франц.*)> курьезная сделалась: помянутой Артамон Матвеев посылал одного [из] своих знакомцев к Ивану Милославскому говорить, чтоб возвратил его добрый <добро>, конфискованныя. А ежели добродетельно не возвратит, что может произойти от того ему, Милославскому, неприятного – которой тогда притворно лежал, не хотя присягу чинить царю Петру Алексеевичу, и все интриги к бунту приуготавливал.

На что он, Милославской, отвечивал в кратких терминах, но сими фактивы, что «де я того и ожидаю», сиречь бунту.

И на завтрое [от] тех разговоров бунт сделался.

И когда стрельцы увидели царевича Иоанна Алексеевича, почали говорить, что не он, и подставлена иная персона. На что царевна София Алексеевна начала их уговаривать, чтоб заподлинно верили, что справедливо царевич Иоанн Алексеевич, брат их.

Потом стрельцы почали требовать, чтоб выдали им изменников, а именно бояр Артамона Матвеева и Нарышкиных, которые будто извели царя Федора Алексеевича. И по тех запросах тотчас и [из-]за царя Петра Алексеевича с великим невежеством взяли Артамона Матвеева и при их глазах кинули с крыльца Красного на копыя и потом пошли во все апартаменты искать Нарышкиных.

И одного Нарышкина, Ивана, тут же ухватили и убили, а Ивана Нарышкина нашли в церкви под престолом и, взяв, убили ж.

И когда оное невежество на Красном крыльце начали чинить, тогда боярин князь Михаил Юрьевич Долгорукой, которой сидел судьей в Стрелецком приказе, начал на них кричать и унимать и называл сарыню <сволочью>, не ведая того, что его имя было написано «убить» в росписи⁷, которого тотчас ухватили и пред лицом царским убили.

Между исканием Нарышкина Афанасия встретили Федора Салтыкова, Михайлова сына, который был спальником и сроден был тому Нарышкину, и онаго также, не распознав, убили. И одна партия стрельцов тут на дворце осталась, а другая разделилась по домам боярским бить и грабить, а именно: пришед в дом князя Григория Ромодановского, который был партии царя Петра Алексеевича, его убили и дом разграбили, также двух дохтуров – Данила-жида и другого <Даниила фон Гадена и Ивана Гутменша>, взяв в домех их, на площади убили за то, будто оные, по научению Нарышкиных, царя Федора Алексеевича уморили; также Ивана Языкова, который был первым министром царя Федора Алексеевича и партии был царя Петра Алексеевича, – убили, и дома всех тех побитых пограбили; а тела побитых на площадь к Лобному месту вытащили и за караулом несколько дней на том позорище содержали. Но по убийти князя Михаила Долгорукова пришли в дом к отцу его, князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, которой за старостию уже не ездил и лежал на постеле, с которым они, стрельцы, под командою служивали многия времена; которому пришед, объявили о смерти сына его и извинялися; и так было его оставили, но один из жильцов, побегав на крыльцо, им, стрельцам, сказал, что «де князь мой говорит, что де хотя шуку убили, – но зубы остались».

Тогда они, стрельцы, поворотились назад и его, князя Юрья Алексеевича, взяв с постели, убили и дом его разграбили.

И все сие убойство учинилось в первой день.

И с того времени царевна Софья Алексеевна взяла правление государства с Иваном Милославским.

И на завтрие стрельцы были опять на дворце и требовали, что[б] избрать царевича Иоанна Алексеевича на царство, понеже есть большой брат. Что тотчас, по их требованию, учинилось. И как патриарх, так и все бояре, и площадь, и народ целовали крест. И так двух государей на царство учинили.

И потом во свое время, по шести неделех, короновали обще двух, по обыкновению.

В то ж время возстали раскольцы, под протекциею стрельцов, противу патриарха Иоакима за крест и прочее; которые приходили диспуты чинить на Красное крыльцо. Однако ж до убивства не дошло.

И понеже царевна София Алексеевна, учиня по своему желанию все чрез тот бунт, начала трудиться, дабы оной угасить и покой возставить, и на кого ни есть сие взвалить. Того ради посадила в Стрелецкой приказ князя Ивана Андреевича Хованского, которой был генерал доброй и с ними, стрельцами, служивал, и человек простой. К тому стрельцы пришли будто в послушание и называли его отцом; у котораго был сын князь Андрей Иванович Хованской, о котором внушили интригами, затея [в], будто сын его хочет жениться силою на царевне Софии Алексеевне и сесть на царство.

И понеже царевна София Алексеевна, видя, что от стрельцов замешание продолжается, тогда учинила поход с обоими царями и всем двором к Троице в Сергиев монастырь. И по приходе туда тотчас по городам послали указы всему шляхетству с доместики <челядью, слугами (*domestique – франц.*)> своими собираться вооруженными в Троицкой монастырь, куды, чрез малые дни, собралось более 20 000 войска.

И тогда ж она, царевна София Алексеевна, по своей особой инклинации <склонности (*inclination – франц.*)> и амуру, князя Василия Васильевича Голицына назначила дворцовым воеводою, войски командировать, и учинила его первым министром и судьей Посольского приказа, которой вошел в ту милость чрез амурные интриги. И почал быть фаворитом и первым министром, и был своею персоною изрядной, и ума великаго, и любим от всех.

И тогда Иван Милославской упал, и правления его более не было. Однако ж по свойству своему царевне Софии Алексеевне всегда содержен был в консидерации <уважении (*consideration – франц.*)> по смерть свою.

И по собранию войск шляхетства в Троицком монастыре послан указ к Москве по полкам стрелецким, что [б] бунтовщиков выдали, также и шефа их, князя Хованского, и сами б пришли в послушание их величеств. А ежели не выдадут, то их величества укажут своим войскам идти к Москве и всех их посечь и разорить.

И по первому указу помянутые стрельцы в послушание пришли и тотчас, выбрав от всякаго полку лутчих людей, послали в Троицкой монастырь с повинною. И объявили, что первых заводчиков выдадут, также и князя Хованского.

И тогда ж послан был окольничей князь Михаил Лыков для взятия князя Хованского. И оной был и с первыми заводчиками стрельцов привезен в село Воздвиженское, где их величества из Троицкаго монастыря нарочно приехали для тех розысков и окончания того дела.

И по привозе князя Хованского и заводчиков бунту и по приходе выборных стрельцов ото всех полков начался розыск пред всеми бояры. И князь Иван Андреевич Хованской и сын его князь Андрей Иванович были привожены в застенки и у <sic!> с очных ставок были уличены будто от стрельцов, а именно: будто он, князь Хованской, хотел сына своего, князя Андрея, женить на царевне Софье Алексеевне и воцариться, а фамилию царскую всю разослать.

И сей розыск более не продолжался, как несколько дней, понеже был спешен от царевны Софии Алексеевны, дабы как наискорее Хованскому-князю голову отсечь, и сыну его также, и некоторым стрельцам, и тем бы окончать все интриги того бунту и закрыть дело ее самое и Ивана Милославского.

Понеже тот бунт сделался с воли и по наущению ее, царевны Софии Алексеевны, чрез помянутого Милославского и держальников его, Циклера и Петра Толстова, дабы чрез то могла она получить правление государства в минорите Несоввершеннолетие (*minorite* – *франц.*)> в свои руки и не отдать царице Наталье Кирилловне, матери царя Петра Алексеевича, и Нарышкиным {NB. Надобно знать, что царица Наталья Кирилловна была править не капабель <способна (*sarable* – *франц.*)>, ума малаго}⁸, и Артамену Матвееву, и по своему желанию до того дошла и правление государства в руки взяла.

И на третьей день, по привозе Хованского-князя и стрельцов некоторых, тому князю Хованскому и сыну его безвинным головы отсечены, также и стрельцам некоторым, которые были заматаи <запутаны>, а не самим заводчикам. Понеже оные были сохранены для того, что все чинили по приказу царевны Софии Алексеевны.

И потом она, царевна София Алексеевна, учинила судей: в Расправной палате – князя Никиту Ивановича Одоевского, в Посольской приказ – князя Василья Васильевича Голицына, в Разряде – дьяка думного Василья Семенова. Для того из знатных не посадила, чтобы подлежал к ней и князю Голицыну. Также в Стрелецкой приказ – дьяка ж думного И[...], в Поместной приказ – князя Ивана Троекурова и ему товарища своей же партии Богдана Палибина. Во дворец, после смерти дворецкого князя Василья Федоровича Одоевского, посадила окольного Алексея Ржевского, в Казанской дворец – кравчаго князя Бориса Алексеевича Голицына, который был всегда партии главным царя Петра Алексеевича, и его одного употребили в дело для потешения той партии. В Разбойной приказ – думного дворянина Викулу Извольского, [в] Иноземской приказ и Пушкарской – Венедикта Змеева, а под ведением князя Василья Васильевича Голицына.

А в Судной Московской и Володимерской кого – того не упомяну; в Сибирской приказ – князя Ивана Борисовича Репнина, в Каменной приказ – думного дворянина Петра Лопухина; в Конюшенной приказ – ясельничим Кондырева, которой был также партии царя Петра Алексеевича. А другие все вышепомянутые были партии царевны Софии Алексеевны.

И тогда ж, в бытность в Воздвиженском, дворец сгорел, где царь Петр Алексеевич был болен огневою <лихорадкой>; и едва в ночи от того пожару могли унести [его] из хором и причитали, что тот пожар нарочно учинен от царевны Софии Алексеевны, дабы брата своего, царя Петра Алексеевича, умертвить и сесть ей на царство.

И потом пошли их величества все к Москве.

И по приходе всякая тишина возставлена была, и началось правление царевны Софии Алексеевны.

Правление царевны Софии Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ея правления, чрез семь лет, в цвет великаго богатства. Также умножилась коммерция и всякия ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку. Также и политес <учтивость (*politesse* – *франц.*)> возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польскаго – ив экипажах, и в домовном строении, и в уборах, и в столах.

И торжествовала тогда довольность народная, так что всякой легко мог видеть, когда праздничной день в лете, то все места кругом Москвы за городом, сходные к забавам, как Марьины рощи, Девичье поле и прочее, наполнены были народом, которые в великих забавах и играх бывали, из чего можно было видеть довольность жития их.

И в первых, начала она, царевна София Алексеевна, дела вне государства – подтверждать альянсы [с] своими соседственными потенци[ям]и, а именно со Швециею подтвердила мир, учиненной отца их, царя Алексея Михайловича. С Польшею также подтвердила мир отца их, царя Алексея Михайловича, и брата своего, царя Федора Алексеевича. И чрез тот мир Киев, Чернигов, Смоленск, со всеми принадлежностями, остался в вечное владение к империи Российской.

И в то ж время учинила с поляки альянс противу крымского хана. А для тех подтверждений мирных были присланы из Швеции и из Польши послы, и по ним насупротив также были посланы послы, а именно: в Польшу боярин Иван Васильевич Бутурлин да окольничей Иван Иванович Чаодаев. А в другоряд был послом послан, как в Польшу, так и к цесарю, боярин Борис Петрович Шереметев, да помянутой же Иван Чаодаев.

В правление же свое царевна София Алексеевна, по старому обыкновению, отправлено было посольство в Гишпанию и во Францию: князь Яков Федоров сын Долгорукой, да с ним товарищ князь Мышецкой.

И помянутой Долгорукой при дворе французском во всяком безчестии пребыл и худой естиме <почтении (estime – *франц.*)>, понеже явно торговал соболями и протчими товары, и о всех его делех есть во Франции напечатанная книга.

А в Англию и к Статам⁹ был отправлен дьяк Посольского приказу Андрей Виниус. А в Швецию был отправлен послом думной дворянин Потемкин. А к курфистру брандебургскому, {к датскому двору}, и в Венецию, и к лотаринскому [герцогу] – дьяк Иван Волков {NB. Почему была корришпонденция с лотаринским двором, того знать не могу, изстари}.

И таким образом возста[но]вила корришпонденцию со всеми дворами в Европе.

А правление внутреннее государства продолжалось во всяком порядке и правосудии, и умножалось народное богатство¹⁰.

И в 7194 {третьем} <1686> годех для подтверждения мира с поляки был держен совет в Палате¹¹, что с поляки ли мир подтверждать и альянс проливу татар учинить, или войну с поляки начать, а мир с татары учинить? И о том было в Палате двух мнений противных, а именно царевна София и князь Голицын [с] своею партией были той опинии <мнения (opinion – *франц.*)>, чтоб мир с поляки подтвердить и войну против Крыму начать, но другая партия бояр, как князь Петр Прозоровской, Федор Петров сын Салтыков и другие, были того мнения, чтоб войну против поляков начать. И за несогласием тем продолжалось 6 месяцев. И, наконец, согласились мир с поляки подтвердить и альянс с ними против Крыму учинить¹².

И в 7193 <1685> десяти договорам подтверждение учинено и альянс заключен.

И в 7195 <1687> году война проливу крымцов деклярована <объявлена (declarer – *франц.*)>, и бояре и воеводы с полками назначены, а именно: в Большом полку шли воевода-аншевы – князь Василей Васильевич Голицын, а с ним товарищи бояре Алексей Семенович Шеин, Борис Петрович Шереметев, князь Василей Дмитриевич Долгорукой и протчие, как увидишь о том в Разрядной книге обстоятельнее. И вся Москва и города или все шляхетство было в том походе, что считалось с двести тысяч войск и с гетманом казацким.

И того лета войска маршировали степью и за поздним временем не могли дойти до Крыма и поворотились без всякого плода.

И при повороте сделали город Самару¹³ в степи, впредь для пристани, и тут все снаряды тяжелые оставили.

И на другое лето 7196 <1688> году те же воеводы с войски своими марш во[с]прияли к Крыму¹⁴. И по приходе к Перекопу стояли три дни и учинили с татары перемирие. Также назад все войска поворотились без всякого плода.

Сие было первое падение князя Голицына, к его несчастию.

И при повороте его, князя Голицына, из другого походу царь Петр Алексеевич не хотел допустить своей руки целовать, как то обыкновенно было чинено.

Топерь напомним о другом дворе царя Петра Алексеевича и матери его, царицы Натальи Кирилловны, коим образом проводили свое время во все то правление царевны Софии Алексеевны. А именно: жили по вся лето в Преображенском своим двором, аж до самой зимы, а зимою жили в Москве. А двор их состоял из бояр, которые были их партии: князь Михайло Алегукович Черкасской, князь Иван Борисович Троекуров, князь Михаил Иванович

Лыков, родом Урусов, родом Нарышкины, князь Борис Алексеевич Голицын, кравчий, родом Стрешневы, да спальники, которые привязаны все по чину своему, и, почитай, все молодые люди были первых домов <знатные>.

И царица Софья Алексеевна¹⁵, и сын ея ни в какое правление не вступали и жили тем, что давано было от рук царевны Софии Алексеевны. И во время нужды в деньгах ссужали [их] тайно Иоаким-патриарх, также Троице-Сергиева монастыря власти и митрополит Ростовский Иона, который особливое почтение и склонность имел к царскому величеству Петру Алексеевичу.

{NB. Сие приложи прежде Троицкого походу, для того: свадьба учинилась до того времени обоих государей.}

И понеже царевна Софья Алексеевна была великаго ума и великой политик, хотя себя укрепить вечно в правлении под именем своего брата царя Иоанна Алексеевича, взяла резолюцию его, брата своего, женить. И женила на дочери Федора Салтыкова, из добраго шляхетства, которой был тогда воеводою в Енисейске, в Сибирском королевстве. И сию женитьбу в том виде учинила, чтоб видеть сыновей от брата своего и наследников к короне.

Однако ж Бог определяет все по своей воле, и достигнуть пожеланнаго не могла. И усмотря, что дочери родятся, тогда начала план свой делать, чтоб ей самой корону получить и выйти б замуж за князя Василия Васильевича Голицына. О сем упомяну токо как разглашение было народное, но в самом деле сомневаюсь, ежели такое намерение было справедливое.

Правда ж, подозрение взято в сем на нее, царевну Софью, от ея самых поступок.

Первое, что принадлежит до получения сей короны, она царевна начала ходить во все процессии церковныя и публичныя с братьями своими, что было противно царю Петру Алексеевичу. И единожды так публично вражда случилась, что был ход к Казанской Богородице, и сперва, по обыкновению, пришли оба государя и она, царевна София Алексеевна, в соборную церковь, откуль пошли в ход. И вышед из соборной церкви, царь Петр Алексеевич просил сестру свою, чтоб она в ход не ходила. И между ими происходило в словах многое. И потом царь Петр Алексеевич понужден был, оставя ход, возвратиться в свои апартаменты, понеже сестра его, царевна Софья, не послушала и по воле своей в ход пошла с братом своим царем Иоанном Алексеевичем.

Также она, царевна София, начала делать червонные под своею персоною и в короне, и имя свое внесла титула государственнаго. Также учинила себе корону и давала овдиенции публичныя послам польским и шведским и другим посланникам в Золотой палате, – что все то принято было за великую противность от брата ея, царя Петра Алексеевича.

Во-вторых, что прина[дле]жит до женитьбы с князем Василием Голицыным, то понимали все для того, что оной князь Голицын был ее весьма голант <любовник (*galant – франц.*)>, и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено. {NB. Надобно вписать по погодно всех дочерей рождения царя Иоанна Алексеевича.}

По вступлении в правление царевна Софья {NB. Приписать надобно к правлению царевны Софьи} для своих плезиров развлечений (*plaisir – франц.*)> завела певчих из поляков, из черкас, также и сестры ея по комнатам, как царевны Екатерина, Марфа и другая, между которыми певчими избирали своих голантов и оных набогащали, которые явно ото всех признаны были.

Надобно ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Счагловитой <Щегловитый>¹⁶ весьма в амуре при царевне Софии профитовал <извлекал выгоду (profiter – *франц.*)> и уже в тех плезирах ночных был в большой конфиденции Доверительности (confidence – *франц.*)> при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софии еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нея падение, или б содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делех бы был помянутый Счагловитой.

Помянутый Счагловитой, во время прошения выдачи его в Троицкой монастырь, был содержан в комнатах у царевны Софии, и при выдаче его был исповедован и приобщен Святых Тайн отцем его духовным, ключарем Иаковом.

В 7197-м <1689> царица Наталья Кирилловна {NB. В котором году пристойно сие написать}, видя сына своего в возрасте лет полных, взяла резолюцию женить царя Петра Алексеевича. И к тому выбору многая были из знатных персон привожены девицы, а особливо княжна Трубецкая, которой был свойственник князь Борис Алексеевич Голицын, и старался всячески, чтоб на оной женить. Но противная ему, князю Голицыну, партия – Нарышкины и Тихон Стрешнев – того не допустили, опасался, что чрез тот марьяж <брак (mariage – *франц.*)> оный князь Голицын с Трубецкими и другими своими свойственники великих фамилий возьмут повоир <силу (pouvoir – *франц.*)> и всех других затеснят.

Того ради Тихон Стрешнев искал из шляхетства малаго и сыскал одну девицу из фамилии Лопухиных, дочь Федора, Лопухину, на которой его царское величество сочетался законным браком.

А именовалась царица Евдокия Федоровна и была принцесса лицом изрядная, токмо ума посредняго и нравом несходная к своему супругу, отчего все свое счастье потеряла и весь свой род сгубила, как будем о том впредь пространно упоминать.

Род же их, Лопухиных, был из шляхетства средняго, токмо на площади знатнаго, для того, что в делех непрестанно обращались по своей квалиты <положению (qualité – *франц.*)> знатных, а особливо по старому обыкновению были причтены за умных людей их роду; понеже были знающие в приказных делех, или, просто назвать, ябедники. Род же их был весьма людной, так что чрез ту притчину супружества ко двору царскаго величества было введено мужескаго полу и женскаго более тридцати персон. И так оной род с начала самаго своего времени так несчастлив, что того ж часу все возненавидели и почали разсуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы, и все им зла искали или опасность от них имели.

О характере принципиальных их персон описать, что были люди злые, скупые, ябедники, умом самых низких и не знающие нимало во обхождении дворовом, ниже политики б оный знали. И чем выступили ко двору, всех уничтожили, и Тихона Стрешнева в краткое время дружбу потеряли, и первым себе злодеем учинили.

Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжилась разве токмо год. Но потом пресеклась; к тому ж царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великия дела, которые были уже явны на весь свет, как впредь в «Гистории» увидишь.

И понеже царь Петр Алексеевич склонность свою имел к войне от младенчества лет своих, того ради имел всегда забаву екзерциею <учения (exercice – *франц.*)> военною. И начал сперва спальниками своими – как о том и чинах их увидишь в томе живота царя Петра Алексеевича, – а к тому присовокупил и конюхов потешной конюшни, и потом начал из вольных чинов шляхетства и всяких прибирать в тот полк, и умножил до одного баталиона, и назывались – потешные, которых было с триста человек.

А другой полк начал прибирать в Семеновском из сокольников и к ним также прибирать, и набрано было с триста ж человек.

И первых назвал полк Преображенской, а второй – Семеновской.

И так помалу привел себя теми малыми полками в огранение от сестры или начал приходить в силу. Также с теми полками своими делал непрестанно екзерцию, а из стрелецких полков возлюбил Сухарева полк, и всякое им награждение давал, и к себе привлек, или, сказать, верными учинил.

И во время того правления царевны Софии Алексеевны и другаго двора царя Петра Алексеевича ретираты <удалились (retirer – *франц.*)> в Преображенском, министры с одной и другой стороны интриги производили, а именно: [со] стороны царя Петра Алексеевича токмо един князь Борис Алексеевич Голицын, да при нем держались Нарышкин Лев Кириллович, Тихон Стрешнев, поддядька, да постельничей Гаврила Головкин, да из бояр походных, хотя в тот секрет допущены не были, – князь Михаил Алегукович Черкасской, князь Иван Борисович Троекуров.

А с другой стороны, двора царевны Софии Алексеевны, князь Василей Васильевич Голицын, Федор Сщагловитой, которой един в секрете самом был у царевны Софии Алексеевны, также Алексей Ржевской, Семен Толочанов и некоторые из шляхетства по-средняго, а из больших родов никто не мешался.

И так те интриги со обоих сторон были употреблены: всякая партия [стремилась] к получению себе стрельцов, понеже во оных вся сила состояла, для того, что оных было на Москве жилых полков более 30 000, и весь двор в их руках был, и между которыми главные были: много людей умных и богатых и купечеством своим богатство немалое имели.

И чрез те интриги дошло до того, что в 7197 <1689> году царь Петр Алексеевич понужден был в ночи из Преображенскаго месяца майя¹⁷ уйти к Троице-Сергиев монастырь, верхом только с пятью человеки. А мать его, царица Наталья Кирилловна, со всем двором, той же ночи бегом понуждена быть последовать туда ж. И в шесть часов скорым походом в тот монастырь пришли. И той же ночи помянутые полки потешные, или гвардия, туда последовали, также и полк стрелецкой Сухарев, который тогда ж в Преображенском гвардию имел, туда прибыл также. И многие бояре и другие чины, принадлежащие к тому двору, туда прибыли.

И со всеми оными его царское величество Петр Алексеевич будто, почитай, в том монастыре в осаду сел. И ворота были несколько дней заперты, и пушки на стенах в готовности, и вся та гвардия по ночам была в ружье по стене, ожидая приходу с полками стрелецкими царевны Софии Алексеевны.

Топерь будем объявлять, для чего оной поход учинился незапной.

Для того, что царевна София Алексеевна, собрав той ночи полки стрелецкие некоторые в кремль, с которыми хотела послать Сщагловитаго в Преображенское, дабы оное шато <замок> зажечь и царя Петра Алексеевича и мать его убить, и весь двор побить, и себя деклеровать на царство.

И о том собрании, приехав, стрельцы главные полку Стремяннаго¹⁸ в Преображенское, царю Петру Алексеевичу объявили.

И по тому доношению оной поход того ж часу незапной учинился.

И по приходе в Троицкой монастырь царь Петр Алексеевич отправил от двора своего одного [человека] к брату своему царю Иоанну Алексеевичу со объявлением той притчины, для чего он принужден ретироваться, объявля притом все злые умыслы сестры его, царевны Софии, противу его.

И прося его о содержании братской дружбы, и дабы сестру его, царевну Софию, от двора отлучить, и правления государства отнять, и ретироваться бы ей в монастырь. А без того не

может придти к Москве в свою резиденцию и будет понужден искать способ к своему обнадеживанию вооруженною рукою.

Равным же образом то ж объявлено было обеим его величества теткам, сестрам отца его, царевнам Анне и Татьяне Михайловнам, также и патриарху Иоакиму, требуя онаго, дабы прибыл в Троицкой монастырь.

Также спальник князь Иван Гагин был отправлен с грамотами по всем полкам стрелецким, которым повелено было прислать выборных стрельцов в Троицкой монастырь от всякаго полку.

Также по всем ближним городам посланы грамоты, а велено всему шляхетству собираться вооруженным в Троицкой монастырь и всем офицерам иноземцам из Слободы.

Также во все [ело] боды московския торговым и гостям грамотами о притчине походу его величества объявлено было.

А к боярам и всей Палате указ был послан, дабы ехали в Троицкой монастырь.

И при том же требовано было у царя Иоанна Алексеевича, дабы Федор Сщагловитой, главный того бунту, и стрельцы некоторые были выданы и за караулом присланы к Троице-Сергиев монастырь.

И насупротив того, присланнаго [с] стороны царя Иоанна Алексеевича, был прислан к Троице-Сергиев монастырь боярин и дядька князь Петр Иванович Прозоровской, который был человек набожной и справедливой, и весьма противной царевны Софии Алексеевны, со всяким братским обнадеживанием и дружбы, соболезуя о такой притчине и протчее, и что будет стараться всячески все учинить ко удовольствию его – любимаго брата своего.

Которой князь Прозоровской был принят со всяким почтением, и по двух днях возвратился с тою ж комиссиею, дабы Сщагловитаго выдать и стрельцов-заводчиков, и царевне Софии ретироваться в монастырь девичей¹⁹.

И по возвращении князя Прозоровскаго к Москве, царь Иоанн Алексеевич позволил патриарху, и боярем, и всей Палате ехать к брату своему, также и выборным стрельцам из полков идти. Которые по приезде в монастырь Троицкой записывали свои приезды; к чему был определен думный дьяк Автомон Иванов.

Еще забыл упомянуть, что царевна Татьяна Михайловна, тетка царя Петра Алексеевича, также в Троицкой монастырь пришла и была во всю ту бытность. И так, по приезде патриарха Иоакима, и бояр, и всех знатных, уже двор царя Петра Алексеевича пришел в силу, и тем начало отнято правлению царевны Софии, и осталось [оное] в руках царя Петра Алексеевича и матери его, царицы Натальи Кирилловны.

По приезде ж помянутой князь Прозоровской к Москве, учиня рапорт царю Иоанну Алексеевичу, которой был в его, Прозоровскаго, руках и воле, начал он, Прозоровской, стараться, дабы Сщагловитаго царевна София выдала и сама ж также ретировалась в монастырь.

И по многих противностях и спорах она, царевна София, понуждена была Сщагловитаго выдать, котораго князь Прозоровской, приняв в ея каморе из рук ея, повез с собою в Троицкой монастырь за караулом, с которым сидели два полковника по переменкам.

И привезши в Троицкой монастырь, [князь Прозоровской] вручил царю Петру Алексеевичу [Сщагловитаго], а о царевне Софии объявил, что взяла резолюцию ретироваться в девичей монастырь.

А когда бояре почали в Троицкой монастырь съезжаться, между которыми приехал князь Василей Васильевич Голицын, также Алексей Ржевской, Семен Толочанов и другие подобные, когда явились к воротам монастырским, от полковника дневальнаго были остановлены и на монастырь не пущены, и велено им возвратиться на квартиры свои, и так было до указу.

И по трех днях князь Василей Васильевич Голицын был приведен в монастырь. И на крыльце у палаты царскаго величества пред всеми боярами были ему чтены вины его, кото-

рыя состоялись токмо в худом правлении государства и прочее, не упоминая ничего о бунте или каких замыслов противу персоны царского величества. И [постановлено] чин боярства его отнять, и добры его все взяты на государя, а ему сказано в ссылку со всеми его детьми и фамилиею. И того ж дня отправлен в провинцию города Архангельскаго. {NB. Надобно знать, что ссылка князю Голицыну учинена по прошению князя Бориса Алексеевича Голицына, а ежели б не по его заслугам, то б, конечно, был взят к розыску, как и Щегловитой.}

А Алексея Ржевскаго и Семена Толочанова послали по дальним городам также вместо ссылки.

И потом начался розыск с Щагловитым и другими привезенными стрельцами, как Амбросим Белого полку и другие, которые были привезены от выборных стрельцов разных полков.

И по многим розыскам Щагловитову и его собеседникам стрельцам тут же на площади, в слободе Клементьевской, головы были отсечены, а других в ссылку сослали. И тем все это замешание окончалось.

И потом были призваны всех полков выборные на крыльцо к палатам царскаго величества, где сидели царское величество и мать его, царица Наталья Кирилловна, и патриарх И[о]Аким. Которым чтены были разпросныя речи Щагловитаго и других бунтовщиков, и весь розыск объявляя в народ нарочно.

И те выборные от полков уверены милостивым словом, и учинено награждение, и отправлены в свои дома.

Потом новое правление государства началось, и Посольской приказ отдан Льву Кирилловичу Нарышкину, брату царицы Натальи Кирилловны, а во дворец – Петру Аврамовичу Лопухину, а в Большую казну – князя Петра Ивановича Прозоровскаго, а в Иноземской приказ – князя Федора Семеновича Урусова, а в Разряд – Тихона Никитича Стрешнева, которой наиболее в делах был и секрет всех дел ведал со Львом Кирилловичем Нарышкиным, а в Конюшенной приказ – Алексея [...]. А других многих в чины жаловали, как Ивана Циклера из полковников в думные дворяне; князя Якова Долгорукова в Судной Московской приказ, Александра [...] в Судной Володимирской; князя Ивана Борисовича Троекурова в Стрелецкой приказ, а на его место – в Поместной приказ – Петра Васильевича Шереметева.

Надобно ж упомянуть, что сначала, по приходу в Троицкой монастырь царскаго величества, царевна София Алексеевна с Москвы поехала сама к брату своему приносить оправдание. И навстречу ей были посланы князь Гагин, чтоб не ездила, а потом спальник же Иван Бутурлин, чтоб не ездила.

Однако ж она продолжала путь свой.

А в третье был послан князь Иван Борисович Троекуров с тем, что ежели поедет – в монастырь не будет пущена, и велено будет по ней стрелять из пушек.

И тогда от Воздвиженскаго поворотилась.

И по управлении всех тех дел царское величество Петр Алексеевич в Троицком монастыре чинил потеху верхом военную, все бояре и генералы иноземцы, как Петр Гордон и другие.

И в ту бытность в Троицком монастыре князь Борис Алексеевич Голицын тут привел в милость иноземцов, как: Петра Гордона генерала, полковника Лефорта, Радивона Страсбурга, Ивана Чамбурса и других многих, то есть начала <пришло время> вступить в милость и фамилиариту <близость (familiarite – *франц.*)> иноземцом.

И по приходе к Москве начал его величество в Слободу ездить чрез предвождение его ж – князя Бориса Алексеевича Голицына. Потом его царское величество прибыл со всем двором к Москве, и начала мать его править государство, а он производить свое время непрестанно в екзерцициях военных.

Топерь будем описывать о начатом правлении царицы Натальи Кирилловны, и порядках двора, и про превожении времени царя Петра Алексеевича, и состоянии жития брата его, царя Иоанна Алексеевича, и бытности в монастыре царевны Софии.

Во-первых, начнем писать о характере царицы Натальи Кирилловны.

Сия принцесса доброго темпераменту, добродетельнаго, токмо не была ни прилежная и ни искусная в делах, и ума легкаго. Того ради вручила правление всего государства брату своему, боярину Льву Нарышкину, и другим министрам.

И помянутый Нарышкин был судьей в Посольском приказе, а под ним в том приказе правил Емельян Украинцев, думной дьяк, человек искусной в своих делах, и был в тех делах под князем Голицыным сосланным.

Также к нему все министры принадлежали и о всех делах доносили, кроме князя Бориса Алексеевича Голицына и Тихона Стрешнева.

Помянутого Нарышкина кратко характер можно описать, а именно: что был человек гораздо посредняго ума и невоздержной к питью, также человек гордой и хотя не злодей, токмо не склончивой, и добро многим делал без резону, но по бизарии Причудливости (*bizarre – франц.*)> своего гумору <нрава (*humeur – франц.*)>.

Боярин Тихон Стрешнев был в правлении в Разряде, и внутри правления государственнаго большую часть он дела делал.

О характере его описать можем только, что человек лукавой и злаго нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошел до сего градусу таким образом, понеже был в поддядьках у царя Петра Алексеевича с молодых его лет и признался к его нраву, и, таким образом, был интригант дворовой.

Князь Борис Алексеевич Голицын сидел в Казанском дворце и правил весь Низ Нижнее Поволжье> так абсолютно, как бы был государем, и был в кредите <доверии> при царице Наталье Кирилловне и сыне ея, царе Петре Алексеевиче, по своим заслугам для того, что дал корону в руки он сыну ея. Был человек ума великаго, а особливо остроты, но к делам неприлежной, понеже любил забавы, а особливо склонен был к питию. И оной есть первым, которой начал с офицерами и купцами-иноземцами обходиться. И по той своей склонности к иноземцам оных привел в откровенность ко двору и царское величество склонил к ним в милость, о чем будем впредь обстоятельно писать.

Таврило Головкин в то время был постельничим, который крайнюю милость и конфиденцию у царя Петра Алексеевича имел и ни в какия дела не мешался. Однако ж в царском величестве великую силу имел и был партии вместе помянутого князя Голицына.

Протчие ж бояре первых домов были отчасти судьями и воеводами, однако ж без всякаго повоиरे <власти (*pouvoir – франц.*)> в консилие <совете (*conseil – франц.*)> или в Палате токмо были спектакулеми <зрителями (*spectateur – франц.*)>.

И в том правлении наибольшее начало падения первых фамилий, а особливо имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено, как от его царскаго величества, так и от персон тех правительствующих, которыя кругом его были для того, что все оные господа, как Нарышкины, Стрешневы, Головкин, были домов самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали с молодых лет противу великих фамилий. К тому ж и сам его величество склонным явился, дабы уничтоживанием оных отнять у них повоир весь и учинить бы себя наибольшим сувреном <монархом (*souverain – франц.*)>.

Правление оной царицы Натальи Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправое правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое доньне продолжается с умножением, и вывести сию язву трудно.

Другая ж комната царя Иоанна Алексеевича содержала себя в тишине; токмо его величество отправлял церемонии церковныя и публичныя, а в правление никакое не мешались. И

той стороны токмо дядька его, боярин князь Петр Прозоровской, сидел в Большой казне, и ведал Денежной двор, и управлял со всякою верностию и без мздоимства, понеже был человек набожной, который до своей смерти был содержан честно и так скончал свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.